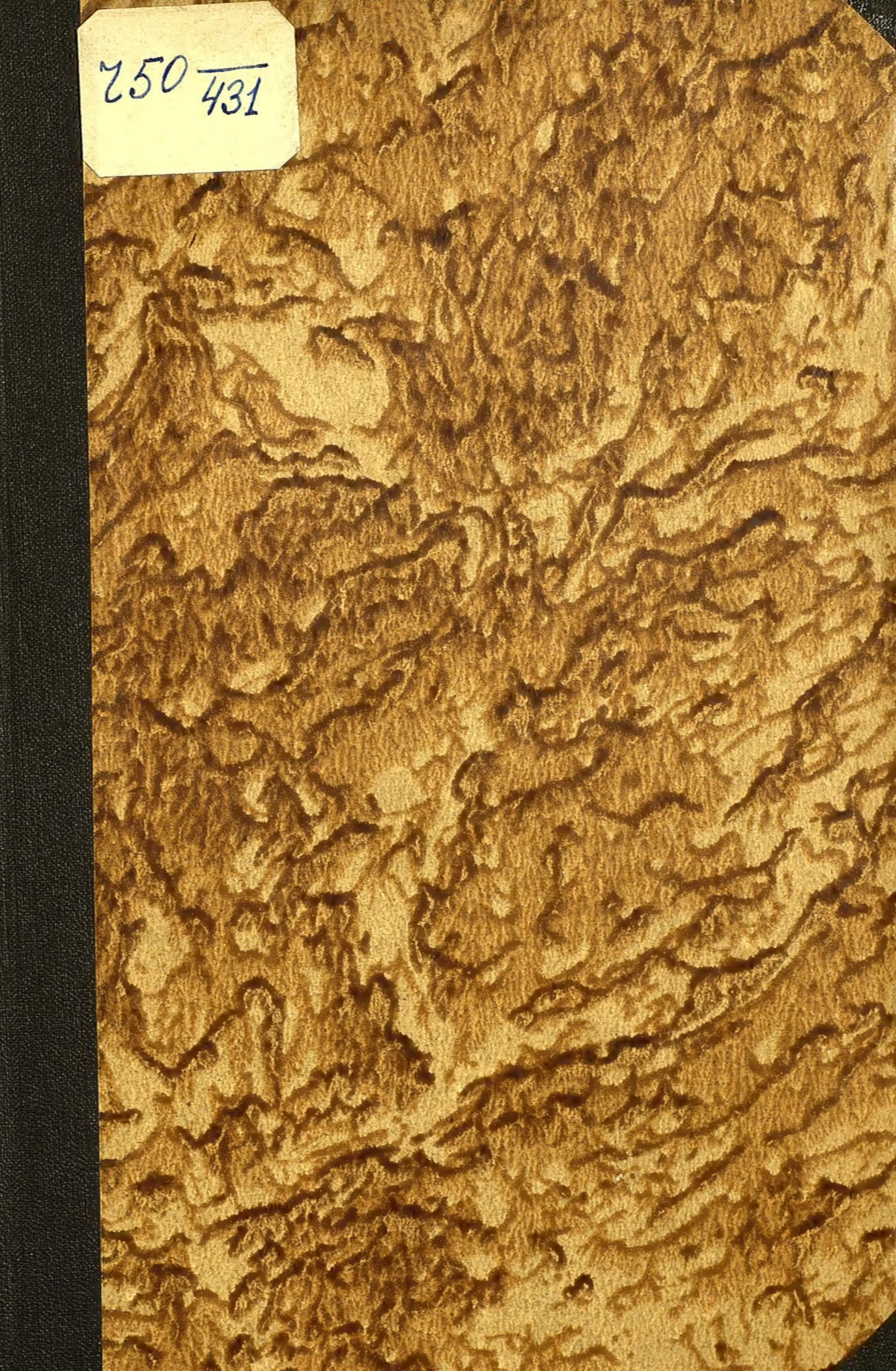
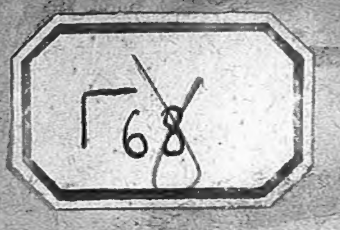

750 431

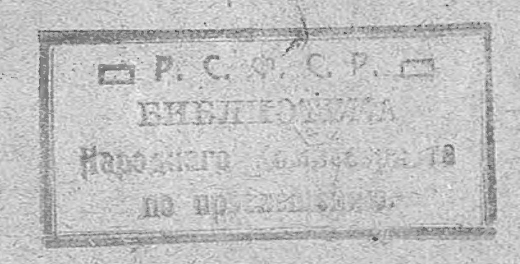

Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Б. И. Горев.

Материализм—философия пролетариата.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва—1920.

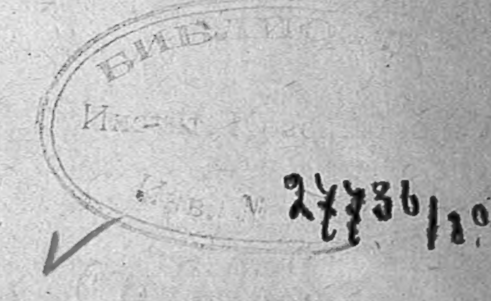
Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Б. И. Горев.

Материализм — философия пролетариата.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва — 1920.

МОСКВА.
Типография „ПРОДПУТЬ“. Серебряническая наб., д. 23а.
1920.

Материализм—философия пролетариата.

Введение.

Великое учение Маркса и Энгельса, теория научного социализма, под знаменем которого вот уже 70 лет революционный пролетариат всего мира ведет борьбу за освобождение человечества от всякого рабства и угнетения,—это учение является глубоким и сложным. Оно не только дает яркую критику современного капиталистического строя, оно не только указывает пролетариату путь к светлому будущему, к «братскому царству труда». Это учение является могучим орудием не только экономического и политического освобождения всех трудящихся, всех угнетенных классов, но и их духовного освобождения. С тех пор, как существует человечество, и до наших дней огромнейшее большинство его находится в глубоком духовном рабстве, в глубоком невежестве; оно боится им самим придуманных богов, которых оно ставит на место неизвестных или непонятных ему сил природы; оно добровольно подчиняется жрецам или попам, которые присваивают себе монопольное право сноситься с этими богами и узнавать их волю. И даже освобожденный от грубых поповских суеверий, даже начавший борьбу рабочий класс в современных капиталистических государствах все еще находится под идейным влиянием господствующих классов. Тысячами путей и нитей, через школу и литературу, через театр и кинематограф проводит буржуазия в пролетарскую среду свои взгляды и понятия, подчиняет его своему духовному превосходству, приобретенному целыми веками выучки, наследию всей прошлой человеческой культуры. Сам того не сознавая, даже борющийся за освобождение своего класса рабочий, даже рабочий социалист в обыденной жизни весь находится во власти тех предрассудков, тех умственных привычек, которые он воспринял от окружающей его буржуазной, мещанской или крестьянской среды.

Учение Маркса и Энгельса и дает рабочему классу цельное и стройное миросозерцание, т.-е. сознательное отношение к миру, понимание законов, которые им управляют, а также к человеку, человеческому обществу и истории человечества. Марксизм старается все явления окружающего нас мира и нашей собственной, внутренней, духовной жизни об'яснить с одной точки зрения, связать их в одно целое. Марксизм—это высшее об'единение всего человеческого знания с точки зрения революционного пролетариата, это высшая свобода человеческого духа, вступившего в борьбу и

с природой, и с человеческим обществом, построенным на насилии, на эксплоатации человека человеком, и с тяжелым наследием прошлого внутри нас самих: с леностью мысли, с мещанскими понятиями и предрассудками, с невежеством.

К сожалению, до последнего времени рабочие социалисты брали из марксизма лишь его общественную сторону, его теорию борьбы классов, его социалистический идеал. Марксизм, как философия, как миросозерцание, был доступен лишь социалистической интеллигенции, получившей специальную умственную подготовку. Пора, наконец, и в этой области передовым рабочим стать на собственные ноги. Основные вопросы философии должны перестать быть привилегией одних лишь интеллигентов. Марксизм во всей своей ширине и глубине должен стать действительно пролетарской философией, не только об'ясняющей жизнь с точки зрения интересов пролетариата, но и проповедуемой всеми передовыми элементами рабочего класса.

В основе всего учения Маркса и Энгельса лежит так называемый «философский материализм». Познакомить русских рабочих с философским материализмом, с его сущностью, происхождением, развитием и значением в современной борьбе классов, сделать для них доступными те понятия, которые до сих пор казались достоянием лишь «избранных», и составляет задачу настоящей брошюры.

Конечно, предмет ее слишком сложен, обширен и труден, чтобы маленькая книжка могла хоть в какой-нибудь мере охватить и об'яснить его полностью. Но если она лишь заинтересует читателя-рабочего, если она вызовет в нем желание подробнее познакомиться с поднятыми в ней вопросами, если она даст толчек его мысли и пытливости, тогда ее задача будет выполнена, тогда она заполнит несомненный пробел в нашей популярной литературе.

I.

Что такое философия?

Когда в житейском разговоре хотят определить что-либо туманное, непонятное, сложное, запутанное, говорят насмешливо: «это—философия». Мало того. Есть в русском языке слово «ахинея», означающее то же, что «чепуха», «чушь», «нелепица». Это слово происходит от греческого слова «Афины», т.-е. города, где много веков тому назад зародилась современная философия. Наши московские предки о трудных для их понимания и слишком отвлеченных вещах и понятиях говорили: «афинейская премудрость», «афинея», откуда и пошло презрительное словечко «ахинея».

Такое неуважительное отношение к философии об'ясняется тем, что она в течение целых веков была необычайно далека от жизни, занималась пустыми словопрениями, хитросплетенным и никому ненужным разбором отвлеченных понятий, т.-е. всем тем, что впоследствии назвали «схоластикой». Философы считались смешными педантами, умеющими долго и скучно рассуждать о выеденном яйце, но совершенно непригодными к жизни и не понимающими ее. Этот взгляд на философов или «метафизиков» ярко сказался в известной басне Хемницера «Метафизик», где философ, попавший в яму, в ответ на предложенную ему помощь в виде веревки начинает рассуждать о том, что такое веревка, «вервие простое», и даже о том, что такое время, на что получает заслуженную отповедь: «А время вещь такая, которую с глупцом не стану я терять. Лежи, пока приду опять».

Такое понимание философии, до сих пор распространенное в широких массах, является глубоко ошибочным и несправедливым. При своем зарождении в древние времена, особенно в древней Греции, философия была огромным шагом вперед в умственном развитии человечества, первой серьезной попыткой его понять и осмыслить окружающий мир, положение в нем человека и взаимные отношения людей между собою. Самое слово «философия»—греческое и означает любовь или стремление к мудрости, т.-е. к высшему знанию и пониманию, наиболее сознательному отношению к миру и жизни.

Первобытный человек или совсем не задавался вопросами о происхождении, сущности и законах окружающего его мира или, в более поздние времена, пытался найти ответ в религии. Окруженный со всех сторон грозными опасностями, в виде враждебных ему сил природы или диких зверей, он стал смотреть на них, как на разумные существа, такие же, как он сам, только гораздо сильнее

его. Он населил в своем воображении весь мир богами или духами, старался их умилостивить или обмануть и попадал при этом в зависимость от ловких и хитрых жрецов или шаманов, т.-е. языческих попов, которые становились посредниками между человеком и богами, угадывали их волю, принимали якобы для них, а на самом деле для себя жертвы и подаяния.

Таким образом, первобытный человек не задумывался о связи и причинах явлений внешнего мира. Он принимал их, как готовые отдельные факты, враждебные ему или безразличные. И до сих пор еще огромное большинство человечества живет именно так, не отдавая себе отчета и даже не ставя вопросов о смысле и причинах окружающих явлений и оценивая их лишь с точки зрения пользы или вреда.

Много ли и теперь найдется людей, которые спрашивали бы себя: почему идет дождь, почему восходит и заходит солнце, почему летают птицы, что такое жизнь и смерть? А если такие вопросы и возникают, то огромное большинство удовлетворяется ничего не говорящим ответом: «так богом устроено».

Возникнув, как практическая потребность человека расположить в свою пользу враждебные силы природы, религия и стала впоследствии, благодаря сказкам жрецов и попов, попыткой об'яснения этих сил волею бога или отдельных богов. Боги же вмешивались и в личную жизнь человека, награждали и наказывали его. Их каприз казался причиной счастья и несчастья, горя и радости. Отношения между людьми, законы и обычаи,—все это жрецы об'являли божескими установлениями. Боги, следовательно, освящали неравенство, эксплуатацию, бедность и рабство одних, богатство и насилия других. Бедным в лучшем случае обещалась награда на «том свете», т.-е. после смерти. Ожидание этой награды заставляло людей верить и в бога и в бессмертие души. Без такой веры жизнь казалась бы им совсем невыносимой.

В потребностях практической пользы коренятся и зародыши современной науки. Необходимость лечить болезни и раны вызвала знакомство со свойствами разных трав, а также разных органов человеческого тела, т.-е. зачатки ботаники и анатомии. Первые мореплаватели должны были держать путь по солнцу и звездам, и из этого родилась астрономия. Потребность в размежевании полей в древнем Египте положила начало геометрии, которая в буквальном переводе и значит «землемерие».

И только философия явилась в результате бескорыстной потребности знания, в результате стремления понять природу и роль человека в ней, а также найти смысл человеческой жизни и нравственные правила этой жизни, диктуемые свободным разумом человека, а не постановлениями жрецов. «Удивление — мать философии»,—говорили древние. И действительно, если религия порождена страхом, а наука—потребностями практической жизни, то философия вытекает из наивысшей потребности человеческого духа: доискиваться во всем причины и смысла.

Философия является тем фонарем, каким древний человек пытается осветить себе путь среди грозных загадок жизни.

Первые попытки философского мышления означали освобождение человека от пут и оков религии. С тех пор, как человек, не спрашивая жрецов, самостоятельно ставил и старался разрешить такие вопросы, как вопрос о происхождении и сущности мира, о возникновении жизни на земле, о том, что такое добро и зло, и многие другие,—с тех пор возникла борьба за свободу духа и мысли,—борьба, которую вели всегда представители прогрессивных классов общества с невежеством и реакцией.

Вопросами, на которые прежде всего наталкивается пытливый ум человека, были вопросы именно о внешнем, окружающем нас мире, т.-е. те вопросы, которыми впоследствии стали заниматься отдельные науки, как астрономия, или наука о звездах и о вселенной вообще, биология, или учение о жизни и живых существах и т. д. При полном отсутствии научного опыта, т.-е. точно установленных, проверенных и об'ясненных научных данных, философия первоначально пыталась заменить научное об'яснение отдельными, иногда гениальными, но всегда совершенно произвольными, придуманными догадками. Таким образом, во многих отношениях философия явилась предшественницей настоящей науки, но отличалась от нее тем, что положения современной науки могут быть доказаны и проверены на опыте, должны быть убедительны для всех, и потому наука стремится к единству, тогда как положения философии основывались лишь на более или менее остроумных выводах собственного разума, и потому отдельных философских систем было столько же, сколько философов.

Всегда ли существовал мир в том виде, как мы его знаем, или он из чего-то образовался? И если образовался, то из одного ли какого-нибудь вещества или из разных? Произошел ли мир сам собою, или при помощи какой-то божественной силы? Почему отдельные предметы, особенно растения и животные, устроены так разумно и целесообразно? Каков главный закон природы, движение или покой? Таков ли, наконец, действительно, мир, каким он нам кажется? Не обманывают ли нас наши чувства? Можем ли мы вообще узнать что-либо достоверное о внешнем мире, что было бы обязательно для всех людей и во все времена?

Вот важнейшие из тех вопросов, на которые пытался давать ответ пробуждавшийся к свободному исследованию пытливый ум человека уже две с половиною тысячи лет назад в древней Греции, этой родине современной философии. И почти всеми этими вопросами занималась европейская философия в течение последующих двух тысяч лет, лишь видоизменяя на разные лады, в зависимости от успехов науки, те ответы, которые дали уже греческие философы.

С другой стороны, споры и разногласия, вызванные первыми философскими системами, создали уже в древности у многих представление, что на этом пути полной истины найти нельзя, что поэтому прежде всего необходимо изучить внутренний мир чело-

века, выяснить вопросы о задачах и смысле человеческой жизни, тем более, что эти вопросы ближе всего касаются человека, что от правильного их разрешения, как казалось, зависит его счастье. Первым, который так поставил сущность философии, который низвел ее с туманного неба на грешную землю, был великий афинский философ Сократ, из школы которого вышли потом величайшие философы древнего мира—Платон и Аристотель *).

С тех пор в задачи каждой философской системы, т.-е. полного собрания взглядов на мир и жизнь, стало входить также исследование вопросов о смысле и цели жизни, о том, что такое добро и зло, в чем заключается счастье и как его достигнуть, и другие, составляющие вместе учение о нравственности или морали в широком значении этого слова.

Таким образом, к тому времени, когда Аристотель, живший в IV веке до Р. Х., самый обширный и разносторонний ум древности, собрал воедино все научные познания и философские системы своего времени, об'единил их одной идеей, дополнил собственными исследованиями и придал им цельный и законченный вид, философия обнимала следующие группы вопросов.

Во-первых, в чем сущность видимого мира, сущность всех вещей? что действительно существует вне нас, независимо от наших обманчивых чувств? Эта область философии, включавшая также вопросы о человеческой душе и о боге, как о душе всего мира, была названа впоследствии «метафизикой», так как в сочинениях Аристотеля она изложена позади физики («мета» по гречески значит «за», «после»), т.-е. учения о природе и ее законах.

Во-вторых, в область философии уже во времена Аристотеля входила л о г и к а, или учение о законах человеческого мышления, а также то, что впоследствии, в 19-м веке было названо т е о р и е й п о з н а н и я, т.-е. вопрос о том, как мы воспринимаем впечатления из внешнего мира, как образуется наше знание и поскольку оно достоверно и об'ективно, т.-е. истинно не только для нас самих, но и для других. Наконец, в третьих, философия занималась вопросами нравственности, т.-е. вопросами о правильной и счастливой жизни, об отношении человека к другим людям и обществу в целом (что отчасти составило впоследствии предмет с о ц и о л о г и и или науки об обществе).

Эти три области, метафизика, теория познания и этика, т.-е. теория нравственности и составляли предмет философии со времени ее возрождения в новейшей Европе, т.-е. с 16—17 веков и вплоть до нашей эпохи.

После крушения греко-римской цивилизации, в средние века философия, как тогда говорили, сделалась «служанкой религии». Невежественные монахи, единственные носители тогдашней «образованности», а потом профессора первых университетов пытались примирить дошедшие до них в плохих латинских переводах обрывки

*) Третий величайший поэт Греции—Демокрит, основатель философского материализма, о котором нам еще придется говорить, не был учеником Сократа.

философии Аристотеля с учением отцов церкви. Отдельные смелые, по тому времени, умы, стремившиеся по своему, самостоятельно разрешать загадки бытия, жестоко преследовались представителями церкви, подвергались пыткам и даже сжигались на костре. Но жизнь развивалась. Появилась и росла городская буржуазия. Рост промышленности и техники вызвал потребность в более точных научных знаниях. Целый ряд открытий и изобретений 15-го и 16-го веков (открытие Америки, изобретение пороха, компаса, книгопечатания), а также ознакомление с вновь найденными произведениями древних греческих философов,—все это необычайно расширило умственный кругозор европейцев и породило так называемую эпоху возрождения наук и искусств.

Возрождается от средневекового сна и философия. Расширенный новыми познаниями ум лучших идейных представителей молодой буржуазии освобождается и от пут официальной религии и от авторитета Аристотеля, в течение целого тысячелетия владевшего умами тогдашней европейской интеллигенции. Создается ряд оригинальных, самостоятельных философских систем, с разных точек зрения пытающихся осветить и выяснить главную загадку бытия: что такое окружающий нас мир, какова его внутренняя природа и каково его отношение к нам, к нашему сознанию.

Мученик свободной мысли, итальянец Джордано Бруно, за свои философские взгляды сожженный попами на костре, француз Декарт, голландский еврей Спиноза, англичане Локк и Юм, немцы Лейбниц, Кант и Гегель, наконец, французские философы-материалисты 18-го века—Дидро, Гольбах и другие,—вот ряд наиболее выдающихся имен, которые с конца 16-го до начала 19-го века разрабатывали философские вопросы и основали целые философские школы. При всем различии их взглядов на мир и жизнь, всех их об'единяло то, что философские системы вырабатывались как бы независимо от развивавшихся одновременно и параллельно точных наук. Если древняя философия была предшественницей науки, то философия этой эпохи, хотя и опиралась отчасти на науку, но все же главные свои выводы, утверждения и гипотезы, т.-е. предположения брала не из данных науки и человеческого опыта, а из головы, из разума самих философов, что и создало впоследствии представление в широких массах о бесплодности философии и ее оторванности от жизни.

И только гигантский расцвет естественных и общественных наук, начавшийся в 19-м веке и самым коренным образом изменивший наши знания о мире и человеческом обществе, должен был изменить и характер философии. С середины 19-го века она все более становится из самостоятельной области мышления обобщением и об'единением всех наук, всего человеческого знания. Это значит, что она старается как бы подвести итог всему человеческому опыту, найти во всех науках нечто общее, какую-то единую руководящую идею, какой-то общий принцип. Но в то же время современная философия не ограничивается простым подведением итогов науки. Она пытается итти дальше науки, по наме-

ченному ею пути, пытается угадывать те тайны мира и жизни, которых наука еще вполне не раз'яснила, но для проникновения в которые у нее есть уже достаточно данных.

Таким образом, современная философия есть стремление дать цельное миросозерцание, опирающееся на все новейшие научные данные и об'единяющее их одной или несколькими общими идеями.

В нашу задачу не входит излагать важнейшие философские системы, о которых написаны сотни, если не тысячи толстых книг. Да в этом и нет особой надобности. Ибо при всем разнообразии, при всех различиях философских взглядов, из которых каждый претендует на оригинальность, с древнейших времен два главных течения, два основных принципа борются между собой в философии. Эти два направления и окрашивают собою все бесчисленные философские системы и теории, которые представляют лишь видоизменения, оттенки и промежуточные ступени двух основных течений.

Эти направления—идеализм и материализм, и к их изложению и характеристике мы теперь и перейдем.

II.

Идеализм и материализм.

Первобытный человек все свои ощущения, все, что ему казалось, принимал за реально, действительно существующие факты или предметы. Галлюцинации, или бред расстроенного воображения, когда человеку, как говорится, что-либо «мерещится», сновидения,—все это считалось не продуктом нашей внутренней, психической душевной деятельности, а внешними явлениями, такими же, как все остальные, только как бы бестелесными. Отсюда и возникло понятие о духах, о душе, которая может отделиться от тела, о привидениях и все другие предрассудки, которые до сих пор так живучи в народных массах даже цивилизованных стран, и которые сохранились и в языке в виде выражений «быть вне себя», «выйти из себя» и т. п.

Наивное мышление первобытного человека, современного дикаря и даже всех вообще людей, не умеющих критически относиться к своим переживаниям, не отличает ощущения от предмета, представления о предмете—от его сущности, от того, что он такое сам по себе, независимо от нас. И первый шаг философии заключается именно в том, чтобы это отличие установить и понять. При этом философский ум прежде всего отмечает следующее. Внешний мир непрерывно изменяется, одни явления следуют за другими, разные предметы меняют свою форму, и тем не менее во всех этих изменениях остается всегда что-то общее, неизменное, постоянное. Так, например, при всем разноообразии таких предметов, как деревья, дома, столы и т. д., во всех их есть нечто общее, свой-

ственное им всем, постоянное, что и дает нам возможность называть эти предметы одним именем. Или возьмем такое явление, как река. Ведь она меняется непрерывно. В каждый следующий момент она уже не та, как в предыдущий, ибо вода постоянно стекает и заменяется новой, что и дало повод знаменитому древне-греческому философу Гераклиту, впервые усмотревшему основной принцип мира в движении и борьбе, высказать следующее положение: «человек не может дважды погрузиться в одну и ту же реку». И тем не менее, при всей этой изменчивости и текучести реки, для всякого из нас несомненно, что она остается все же одной и той же рекой, т.-е. чем-то постоянным и однородным. Подобно реке, непрерывно меняемся и мы сами и, однако, всегда кажемся себе одними и теми же.

Далее, уже древнейшие греческие философы заметили, что качества и свойства предметов часто зависят от нас самих, от состояния нашего организма, нашего здоровья, наших органов чувств. Для слепого нет красок, для глухого нет звуков, и им весь мир кажется совсем иным, чем нам. Больному, у которого, как говорят, «горький вкус во рту», всякая пища кажется горькой. Когда руки холодны, внешние предметы, к которым мы прикасаемся, кажутся теплее, чем тогда, когда сами руки теплы. Когда мы едем в лодке, нам кажется, что берега уходят в обратную сторону; а теперь мы знаем также (чего не знали в древности), что такое очевидное явление, как восход и заход солнца и его движение по небу, есть не что иное, как обман чувств, что движется не солнце, а земля поворачивается вокруг своей оси, и мы вместе с нею. Наконец, как мы уже упоминали, во сне или в бреду мы видим и слышим то, чего вовсе нет вне нас, что является лишь продуктом нашего воображения.

Словом, внешний мир не одинаково представляется разным людям, а также одному и тому же человеку в разные моменты его жизни. Следовательно, этот мир, во всяком случае, не таков, каким он нам кажется, а иногда даже мы принимаем за внешнее явление то, чего совсем не существует отдельно от наших собственных ощущений.

Что же из себя представляет мир в действительности? Какова его сущность, т.-е. в чем заключается то постоянное и общее, что лежит в основе всех явлений при всем их разнообразии и всей их изменчивости? Мы видим и ощущаем изменяющиеся явления; что же то, что изменяется, что действует на наши органы чувств?

Да и существует ли сам по себе, вне наших ощущений, какой-то внешний мир? Ведь мы знаем о нем лишь то, что нам указывают чувства, столь изменчивые и обманчивые. Допустим, перед нами определенный предмет, роза, имеющая известный цвет, запах, строение и т. д. Все эти качества существуют только для нас, для наших чувств, они лишь наши ощущения. Стоит нам заснуть, и эти качества перестают существовать. Существует ли в таком случае самая роза помимо нас? Не является ли весь мир только

суммой наших ощущений, за которыми нет ничего самостоятельного?

Вот прежде всего те вопросы, вопросы о сущности и реальности (т.-е. действительности) внешнего мира, на которые даются противоположные ответы двумя философскими системами—идеалистической и материалистической, со всеми их видоизменениями.

Основатель философского идеализма, великий греческий философ Платон, ученик Сократа и учитель Аристотеля, пришел к своему учению о том, что сущностью мира и основой всех внешних материальных фактов являются идеи,—путем следующих соображений. Возьмем какой-нибудь предмет из окружающей нас жизни, например, стол. Столы бывают разные, стол может разрушиться, перестать существовать. Но понятие стола, «идея» стола, т.-е. то, что является общего у всех столов,—это понятие, эта идея остается неизменной, при всем разнообразии столов, их формы, материала, из которого они сделаны, и т. д. Столы могут разрушаться, но наше представление о столе, то, что мы понимаем под этим словом, иначе «идея стола» остается для нас неразрушимой. Следовательно, думал Платон, только идеи и имеют действительное, прочное, вечное существование, а предметы, соответствующие этим идеям, меняются, разрушаются, портятся и являются лишь плохими копиями, материальным воплощением этих идей, бледными тенями великого и светлого мира идей. Впоследствии Платон слову «идея» придал еще значение образца, «идеала», расположил их в порядке их важности и ценности и во главе всех идей поставил идею добра, красоты, идею бога.

Таким образом, Платон впервые создал учение о «двух мирах», учение, которое легло в основу христианской религии и всех позднейших идеалистических систем. Существуют два мира: наш мир, земной, мир грешной плоти, несовершенный, полный недостатков и пороков, непрочный и изменчивый,—и другой мир, мир вечных идей, как говорил Платон, мир «духа», как говорит христианство, в котором царствует истина, гармония, красота, мир «небесный», «потусторонний», по отношению к которому наш здешний материальный мир является лишь жалким сколком, плохим отражением. Подражание этому идеальному миру, стремление к нему и должно стать нашей целью и задачей *).

На примере Платона, этого родоначальника идеализма, лучше всего видно происхождение и основная ошибка этого учения. Идеализм берет наши идеи, т.-е. те мысли, понятия и представления, которые возникают и создаются в нашем уме, в нашей внутренней, психической жизни, и придает им самостоятельное существование. Продукты нашей собственной мысли, нашей

*) От имени Платона и произошло слово „платонический“, т. е. идеальный, невещественный, существующий лишь в „идее“ (напр. „платоническая любовь“).

умственной деятельности переносятся в какой-то особый «потусторонний мир», становятся отдельными от нас сущностями, и по отношению к ним тот подлинный, действительный, реальный мир, в котором мы живем, становится призрачным миром, не заслуживающим наших забот и нашего изучения. Человек делает нового идола, кумира из продукта собственной мысли и воображения и в этом отношении мало отличается от того дикаря, который, видя во сне своих умерших родных, считает, что это их души являются к нему, и поклоняется этим душам, как богам. Поклонение душам предков, вера в самостоятельное существование души отдельно от тела, словом, то, что называется анимизмом в истории религии, вполне родственно с идеализмом в философии.

Если мы снова возьмем вышеприведенный пример стола, то увидим, что «идея стола» на самом деле есть лишь продукт нашей умственной работы, который называется обобщением. Из всех виденных нами отдельных предметов, имеющих некоторые важнейшие общие признаки, качества или свойства, мы вырабатываем одно общее понятие, например, понятие стола, дерева и т. д. На самом деле, реально существуют именно только отдельные предметы, а «идеи» этих предметов—лишь продукт нашей мысли. При этом само собою разумеется, что могут быть и такие идеи, которым не соответствуют никакие предметы и явления вне нас, которые созданы только нашим воображением или нашей мыслью. Поэтому, приписывать идеям самостоятельное существование значит поклоняться призракам.

И таким поклонением призракам, такой своеобразной философской религией являются все идеалистические философские системы, которые в той или иной форме лишь повторяют и совершенствуют основы учения Платона.

Основатель новейшей европейской философии француз Декарт доказывал существование бога—тем, что у нас есть идея о боге, как существе всемогущем. Если бы не было бога, говорил Декарт, то мы бы о нем ничего не знали, у нас не было бы и идеи бога. Германский философ Кант доказывал, что сущность мира, так называемая—«вещь в себе», нам недоступна, что мы узнаем о внешнем мире лишь то, что наша способность познания, наша «душа» в него вкладывает. Следовательно, мы творим мир явлений из себя, из собственного своего духа. А этот дух, между прочим, властно требует признания вечного и справедливого бога, как творца и правителя мира.

За «критическим идеализмом» Канта—критическим потому, что он подверг критике, т.-е. разбору, формы и способы того, как мы воспринимаем мир, основал новейшую теорию познания, — последовал «абсолютный идеализм» Гегеля, того германского философа, последователем которого был в молодости и Карл Маркс.

Гегель сделал основой и сущностью мира тот логический процесс, который происходит в нашей собственной голове; иначе говоря, формы развития наших собственных мыслей и идей он

перенес во вне, сделал законом развития мира. По Гегелю, сущность мира и жизни, сущность человеческой истории—это идея, которая развивается путем внутренних противоречий и задача которой—самопознание. Все, что происходит вне нас и в нас, есть лишь воплощение и отражение этого развития идеи, или духа.

Таким образом, и Декарт, и Кант, и Гегель признавали существование двух миров: мира вещей, мира материального, который мы постигаем и изучаем при помощи наших обманчивых органов чувств,—и мира идей, мира духовного, который мы можем постигнуть лишь посредством высшего философского прозрения или религиозного просветления. Первый мир имеет свои законы, имеет определенную связь явлений, которую мы можем изучать. Но это мир все же не настоящий, мир призрачный, и наука о нем—это наука не полная, низшая.

Единственный настоящий мир, заслуживающий философского исследования,—это мир идей.

Еще дальше пошли представители так называемого «субъективного идеализма», английский епископ Беркли и немецкий философ Фихте, ученик Канта. Весь мир—это я, и никакого другого, внешнего мира, кроме мира моих идей, представлений и чувств,—нет. Я творю мир из себя, из своего духа. Законы этого мира—это законы моих собственных идей и ощущений.

При всей странности и дикости этого учения для всякого человека, не изощренного в тонкостях философии,—этот крайний идеализм, отрицающий самое существование, самую реальность внешнего мира, в более или менее замаскированном виде довольно распространен и среди новейших философов. Сюда относятся и некоторые виды «агностицизма», говорящего, что мы не знаем и никогда не узнаем действительной сущности мира и так называемый—«эмпирио-критицизм», для которого мир—это лишь сумма наших ощущений, и только эти ощущения и связь между ними и могут быть предметом нашего изучения и исследования.

Для всех этих философских течений единственно реальным фактом, который мы познаем непосредственно, является наша «душа», наши внутренние психические переживания. И если одни из них смело договаривают до конца и начинают сомневаться в самом существовании внешнего мира, то другие должны ограничиваться дуализмом, т.-е. признанием двух миров, двух сущностей, двух параллельных рядов фактов и явлений: материального, внешнего, действующего на наши чувства и дающего нам лишь поверхностную, обманчивую и изменчивую картину того, что на самом деле существует вне нас,—и духовного, идейного, истинного, единственного ценного и составляющего настоящий предмет философии.

Как определить взаимные отношения этих двух миров, несомненную связь между ними, как согласовать эту философию с новейшей наукой, которая занимается, главным образом, именно внешним, материальным миром и как будто не сомневается в его существовании,—все эти вопросы исследуют с глубокомыслием и

остроумием, достойными лучшей участи, бесчисленные идеалистические системы, запутываясь при этом в безвыходных противоречиях.

Прямо противоположный ответ на основные вопросы философии дает второе главное направление ее—материализм. И для материализма мир не таков, каким он нам кажется. Но, как показывает самое его название, материализм видит сущность мира именно в материи, в веществе, а идеи считает лишь отражением этого вещественного, материального, внешнего мира в нашем уме, в нашем мозгу, в наших духовных переживаниях. Та материя, то вещество, из которого состоит вся вселенная, своим непрерывным движением и внутренним отношением своих бесчисленных частей и образует все формы мира и жизни, все их разнообразие, от далекой звезды, затерянной в небесных пространствах, до самых тонких и глубоких произведений человеческого ума, до той самой философии материализма, которая пытается одним великим обобщением обнять весь видимый и невидимый, внешний и внутренний мир.

С поистине гениальной и величавой, хотя и наивной простотой выразил эту мысль еще за 400 лет до Рождества Христова основатель материалистической философии, современник Платона, греческий философ Демокрит. Вот основные положения его философии, как о них можно судить по отдельным немногим отрывкам, сохранившимся в изложении его критиков, особенно Аристотеля, и первых последователей.

1) Из ничего ничего не бывает; ничто из того, что есть, не может быть уничтожено. Всякое изменение есть только соединение и разделение частей. 2) Ничто не происходит случайно, но все происходит по некоторой причине, и необходимости. И, наконец, 3) ничего не существует, кроме атомов и пустого пространства; все прочее есть «мнение», или, как гласит сохранившаяся цитата из Демокрита: «Лишь кажется нам, что существует горечь и сладость, тепло и холод, различные цвета: на самом деле существуют лишь атомы и пустота». Таким образом, по мнению основателя материализма, в бесконечном пустом пространстве движутся бесчисленные и различные по форме атомы, т.-е. мельчайшие частицы вещества, и от их столкновения происходят соединения и круговые вращения, дающие начало целым мирам. Так непрерывно возникают и разрушаются, т.-е. распадаются бесконечные миры друг возле друга и друг после друга. При этом вся вселенная насквозь материальна, т.-е. вещественна. Даже так называемая «душа», по мнению Демокрита состоит из мелких, гладких и круглых атомов, подобных атомам огня. Эти атомы—самые подвижные, и от их движения, проникающего через все тело, происходят явления жизни.

Какую силу и смелость мысли надо было иметь, чтобы в ту отдаленную эпоху, при полном почти отсутствии точных наук, установить важнейшие положения современной физики (закон со-

хранения материи и энергии) и свести все разнообразие и богатое содержание мира и жизни к движению в пустоте каких-то атомов!

И как ни наивны в нашем теперешнем представлении некоторые взгляды Демокрита и особенно подробности его учения (напр., специальные «атомы души»), тем не менее именно он положил начало всему современному научному миросозерцанию, устранив из мира всех явлений, как внешних, так и внутренних, какое бы то ни было вмешательство сверх'естественных сил, какого бы то ни было «творца», все об'ясняя общими законами материи, перемещением, притяжением и отталкиванием частиц вещества.

Недаром эта теория вызвала против себя резкую вражду и отпугала всех философов древности и более поздних времен: она слишком смело рвала со всеми человеческими взглядами и представлениями, привитыми религией и поддерживаемыми невежеством народных масс. Материализм об'явлен был философией жестокой, сухой и бездушной. Конечно, более всего восставало против материализма и преследовало его—духовенство всех времен и народов; оно хорошо видело, что материализм не оставляет места для бога, что это философия откровенно атеистическая, безбожная, и потому оно испугалось, что потеряет свою власть над темными умами, следовательно, свое господство, свое привилегированное положение.

Против материализма был об'явлен настоящий крестовый поход, который длился много веков и со стороны официальной буржуазной философии продолжается до настоящего времени, хотя и не сопровождается больше кострами инквизиции. Но развитие человеческих знаний, но каждый новый успех, каждое новое открытие в области науки—часто против воли и помимо сознания самих ученых — являлись лишь подтверждением великой философской истины, провозглашенной Демокритом и развитой его учеником Эпикуром и позднее—во 2-м веке до Рождества Христова—римским философом—поэтом Лукрецием Каром.

Кроме установления материальности и закономерности всех мировых явлений, древний материализм, особенно в лице Эпикура, занимался еще вопросами человеческой нравственности, вопросами о цели и смысле человеческой жизни. Вопреки тем философам, которые подчиняли всю деятельность человека служению отвлеченному долгу, а также вопреки жрецам, которые считали задачей человека исполнять волю бога или богов, Эпикур проповедывал, что человеку свойственно стремиться к наслаждению и избегать страданий. Но в то время, как люди невежественные добиваются грубых чувственных наслаждений, за которыми следует обыкновенно страдание, философ ищет и находит удовлетворение в таких наслаждениях, которые не надоедают, не сопровождаются горьким или тяжелым похмельем, не вредят другим и потому не нарушают покоя философа. Такими наслаждениями Эпикур считал занятия наукой, философией, искусством, т.-е. проявление высших сторон человеческого духа, которое действует

облагораживающим образом. Эпикур советовал не делать зла своим ближним, а, наоборот, быть им полезным; но не потому, что так велит долг, или закон нравственности, или бог, а потому, что лишь такое поведение обеспечивает человеку хорошее отношение со стороны окружающих и избавляет его от лишних страданий, вызываемых людской злобой. Словом, это была теория, которая впоследствии у материалистов 18-го века стала известной под именем «разумного эгоизма».

Между тем в том походе против материализма, который начался еще в древности и особенно поддерживался христианской церковью, материализм обвинялся именно в грубом, чисто животном эгоизме, в отсутствии всяких высших стремлений. Слово «эпикуреец» (т.-е. поклонник Эпикура) стало обозначать человека, который выше всего ставит чувственные наслаждения, т.-е. обжорство, пьянство, хотя бы и утонченное и т. п. И сплошь и рядом такие обвинения против материализма выдвигали как раз те, которые, исповедуя на словах яко-бы христианскую нравственность и высший идеализм, т.-е. самопожертвование, любовь к ближним и отречение от плотских удовольствий, на самом деле, в своей личной жизни, как огромное большинство духовенства, погрязали в чревоугодии и разврате; и их «христианский идеализм» был для них лишь средством добиваться самых, что ни на есть, материальных выгод, путем обирания наивной и темной паствы «верующих».

III

Развитие материализма в новое время.

В течение тысячи с лишним лет, следовавших за падением Римской империи, в эпоху средневекового феодализма, господства дворянства и духовенства, как мы уже указывали, свободная философская мысль вообще почти не развивалась; и поэтому в материалистическую философию древних, которая была в загоне и как бы под проклятием, не внесено было никаких новых идей. Только начиная с XII века, под влиянием арабских ученых, живших в южной Европе и знакомых с древне-греческими писателями, начинается некоторое движение мысли и среди европейских «схоластов», т.-е. средневековых ученых богословов. При этом наряду с такими глубокомысленными вопросами и спорами о том, кого бог создал раньше, курицу или яйцо, или сколько чертей могут поместиться на кончике иголки, возникали иногда и смелые вопросы о душе, о боге, о происхождении мира,—вопросы, приводившие некоторых к предчувствию материализма.

Вместе с тем такие вопросы и споры вызывали новые задачи, которых не знал или не умел разрешить древний, слишком еще наивный и детский материализм.

Из этих новых задач самой трудной и сложной была задача об отношении «материи» и «духа», т.-е. телесного, вещественного

мира и нашего сознания. В начале XVII века французский философ Декарт, бывший одновременно одним из основателей новейшей физики, снова построив теорию о двух мирах, сделал однако большие уступки материализму. По мнению Декарта, мир состоит из двух «сущностей», или «субстанций»: материи и духа. Главным свойством материи является протяжение, т.-е. то, что она занимает место в пространстве; главное свойство духа—«мышление», т.-е. способность мыслить и сознавать. И вот весь окружающий нас мир, до растений и животных включительно, можно, как допускал Декарт, об'яснить материалистически или механически; животные,—думал он,—ничем не отличаются от машины. Только человек составляет исключение из всего мироздания и обладает бессмертной душой, которая имеет самостоятельное существование. При этом Декарт поставил вопрос, который долго потом занимал философов: откуда берутся наши идеи, т.-е. наши мысли и понятия, раз душа совершенно бестелесна и лишь временно связана с телом. Ответ Декарта был тот, что наши идеи—врожденные, т.-е. душа приходит в мир с уже готовыми идеями, которые лишь развиваются под влиянием внешних впечатлений. Второй вопрос, который очень интересовал и волновал еще средневековых богословов, был вопрос о «свободе воли»: имеет ли наша «душа» свободу выбора, напр., свободу грешить или не грешить, или же она с самого нашего рождения наперед подчинена предопределению, божьему промыслу, как говорили одни,—общим законам всего мироздания, как думали другие.

В бесчисленных спорах по поводу этих вопросов философы совсем запутались. Если «душа» имеет самостоятельное существование и не зависит от общих законов вещественного материального мира, если наши «идеи» врожденные, то откуда же берется такое соответствие или совпадение между этими «идеями», т.-е. нашим сознанием и внешним, телесным миром? Почему, если в нашем теле нет пищи, мы испытываем чувство голода? И почему, с другой стороны, если наша «душа» чего-нибудь хочет, то наше тело, напр., рука к этому протягивается? Почему, наконец, если наше тело болеет лихорадкой, то «душа» забывает все свои прекрасные «врожденные идеи» и начинает нести всякий вздор?

Все эти и им подобные вопросы были бы совершенно неразрешимы с точки зрения декартовского дуализма, т.-е. учения о двух мирах. Гениальное и в то же время простое решение им дал основатель новейшего материализма, хотя сам себя к материалистам не причислявший, великий голландский философ Барух Спиноза, живший в 17-м веке.

Голландия тогда только что вышла победоносной из почти столетней борьбы, которую вела молодая голландская буржуазия с темным миром испанского деспотизма и католической церкви. Это была первая настоящая буржуазная революция. Во время революции рождается смелость духа, происходит революция и в области мысли. И таким революционером мысли был Спиноза, изгнанный и проклятый еврейской общиной за свободомыслие

и умевший соединить глубокую работу мысли с физическим трудом: обдумывая и создавая свою великую философскую систему, изложенную в книге «Этика», он зарабатывал себе средства к жизни шлифовкой оптических стекол.

Спиноза сам был в начале учеником и последователем Декарта. Но, видя, что учение Декарта неудовлетворительно, Спиноза дал свой ответ на поставленные Декартом вопросы. В основе мира лежат не две сущности, или субстанции, как думал Декарт, а одна. Эту единую сущность Спиноза называл «бог или природа». Приравнивая бога природе, а не ставя его выше природы и вне ее, Спиноза этим в сущности бога упразднял совершенно, так как у него слово «бог» было лишь другим названием единой природы.

Так это и поняли все враги Спинозы, все идеалисты, все сторонники религии: они об'явили Спинозу атеистом, безбожником, материалистом, и были правы. Ибо сущность материализма в том и состоит, что вся природа об'явлена единой, никем не созданной и живущей по своим внутренним законам.

Итак, в основе мира лежит единая субстанция, «природа», обладающая, как говорил Спиноза, двумя главными свойствами: «протяжением» и «мышлением». Что это значит? Это значит, вопреки Декарту, что «материальность» и «духовность» не две разные сущности, а лишь две формы, два свойства одной и той же сущности. Это значит, следовательно, что мысль, сознание могут быть таким же свойством материи, как и занимаемое ею пространство или движение. Этим устранялись все противоречия между «материей» и «духом», и в то же время делался первый огромный шаг вперед в деле развития материализма со времен Демокрита, с его особыми «атомами души».

Одновременно решался и другой вопрос — о «свободе воли». Так как никакой особой «души» нет, так как «душа» вместе с телом составляют единое мыслящее, чувствующее и сознающее тело, то, конечно, никакой «свободы воли», в смысле независимости, неподчинения нашей «души» общим законам мира— нет и быть не может.

Нам кажется, что мы имеем «свободную волю», потому что мы не знаем тех внутренних причин, которые вызывают то или иное наше душевное движение. «Если бы падающий камень», говорил Спиноза, «обладал сознанием, но не знал бы, что он падает в силу закона тяготения, то ему казалось бы, что он падает по собственной воле, по «свободному выбору» своей «души».

Философия Спинозы была, конечно, слишком отвлеченной, слишком далекой от всей сложности, пестроты и яркости природы и человеческой жизни. Но она гениально предугадала, как в свое время Демокрит, выводы новейшей научной философии и этим заложила прочные основы современного материалистического миросозерцания.

Другим источником новейшего материализма явились успехи в области естествознания, т.-е. в области изучения явлений и законов окружающего нас мира. Великими открытиями Копер-

ника, Галилея и Ньютона установлено было, во-первых, что не солнце движется вокруг земли для того, чтобы ее освещать, как думали древние и как думает до сих пор большинство человечества, а, наоборот, земля обращается вокруг солнца. Это был целый переворот в нашем понятии о мире, целая умственная революция. Земля оказалась не центром мироздания, ради которого существует весь мир, а лишь жалкой пылинкой, затерянной в бесконечных пространствах вселенной и движущейся согласно тем же законам, которые управляют движениями и других небесных тел. И во-вторых, самое это движение земли и других планет вокруг солнца, а также луны вокруг земли оказалось следствием открытого английским ученым Исааком Ньютоном закона всемирного тяготения, согласно которому все мировые тела взаимно притягивают друг друга. При этом, подобно тяжести, привязанной к шнурку и вращаемой вокруг руки, планеты получают свое кругообразное движение от взаимного действия двух сил или стремлений: силы тяготения, т.-е. стремления упасть на более тяжелое и большое тело, напр., на солнце, которое их притягивает, и силы инерции, т.-е. стремления улететь в пространство по прямой линии (подобно вращающейся тяжести, если шнурок выпустить из рук).

Таким образом, одна из величайших загадок мироздания, всегда толкавшая человека к мысли о разумном творце и правителе мира,—движение небесных сил—об'яснялась простыми физическими причинами. И хотя сам Ньютон оставался человеком глубоко религиозным, но другие, более последовательные мыслители, делали из его учения и более смелые выводы. Под влиянием первых ослепительных успехов естественных наук целый ряд ученых и философов, во главе с англичанином Френсисом Бэконом, жившим почти в одно время со Спинозой, выступил решительно против метафизики, т.-е. против бесплодных умствований прежних философов, хотевших об'яснить весь мир исключительно путем рассуждений собственного ума. Бэкон провозгласил, что источником всех наших познаний и представлений о мире должны быть не отвлеченные рассуждения, а опыт, т.-е. данные, полученные путем внимательного наблюдения и изучения окружающих нас явлений. Мало того. Никаких других источников знания, кроме опыта и наблюдения, т.-е. того, что нам дают наши внешние чувства, зрение, слух, осязание и т. д., по мнению Бэкона, нет и не может быть. Этим был нанесен решительный удар декартовскому учению о «врожденных идеях». Никаких врожденных идей нет. Все наши «идеи», т.-е. понятия, мысли и познания, думал Бэкон, мы получаем не в готовом и даже не в зародышевом виде вместе с «душой», а вырабатываем постепенно из впечатлений, получаемых нашими органами чувств от внешнего мира.

Все это дало толчок возрождению откровенного и смелого материализма. В самом деле, если земля перестала быть центром вселенной и излюбленным предметом попечений божества, а оказалась рядовой—и притом очень маленькой—планетой, подобно другим планетам, вращающейся вокруг солнца вследствие общих законов

тяготения, если способность мыслить не есть особый дар божий, данный человеческой «душе», а просто, как думал Спиноза, одно из свойств мировой «субстанции», или сущности, лежащей в основе всех мировых явлений, так же, как протяжение или движение; если наконец, наши «идеи» возникают в нас не при помощи какого-то чуда, специально созданного богом, если они получаются от внешних впечатлений, действующих на наш организм, следовательно, сами являются продуктом чисто физических причин; если все это так, думали многие философы 17-го и 18-го века, значит, природа и ее законы едины и человек не составляет в ней исключения, но вместе со всеми своими возвышенными «идеями» является лишь частью этой природы и подчиняется общим ее законам. А в этом, как мы уже говорили, и заключается действительная сущность материализма.

И вот, еще в 17 веке французский философ Гассенди извлекает на свет божий и защищает столько веков осмеиваемую одними и проклинаемую другими теорию атомов Демокрита и Эпикура. Тогда же создает собственную материалистическую философию англичанин Гоббз, а за ним, более или менее последовательно, исповедуют эту философию и ряд других английских мыслителей.

Но особенно блестящее и полное развитие, вследствие особых причин, о которых мы будем подробно говорить в последней главе настоящей брошюры,—получила материалистическая философия в XVIII веке во Франции. Уже в первой половине этого века врач Ламетри сделал последовательные материалистические выводы из учения Декарта, который допускал, что животные по существу не отличаются от машин, т.-е., что все их движения и действия можно об'яснить чисто физическими и механическими причинами. В своем знаменитом сочинении «Человек-машина» Ламетри доказывал, что и человек в этом отношении не составляет исключения, ибо никакой особой «души», которая отличала бы его от животных, у него нет. Все действия человека вызываются чисто физическими причинами, влиянием внешней среды и деятельностью его собственной нервной системы. Поэтому, полагал Ламетри, если бы мы знали до мельчайших подробностей все свойства человеческого организма и все законы, которым подчиняется движение материальных частиц, мы могли бы, может быть, и сами «построить», создать человека. Что же касается нашего сознания, нашей внутренней, психической или душевной жизни, то Ламетри считал ее таким же основным и таким же по существу необ'яснимым свойством материи, как и движение. По мнению Ламетри, для нас столь же непонятно, как материя может «мыслить», т.-е. ощущать и сознавать, как и то, почему материя движется. И то и другое, следовательно, основные, первоначальные свойства материи, из которых у нас составляется самое понятие материи, и потому они дальнейшему об'яснению не подлежат.

Наиболее подробно и законченно изложена система материализма в сочинениях самых передовых и революционных мыслителей

предреволюционной Франции, так называемых энциклопедистов, т.-е. авторов и редакторов первой научной энциклопедии: у Дидро, Гольбаха, Гельвеция и некоторых других. Многое из того, что они писали, ошибочно, многое теперь устарело, давно опровергнуто дальнейшим развитием науки. Но многое осталось незыблемым достоянием материалистического миропонимания. И потому эти философы, ближайшие родоначальники современного материализма, заслуживают более подробного изложения их взглядов.

Итак, прежде всего, что понимали они под материализмом и под самой материей? Материализм, в глазах французских энциклопедистов, есть вообще такое миросозерцание, которое в основу всех явлений окружающей нас и нашей внутренней жизни кладет природу, а не дух. Природа, т.-е. именно «внешний», «физический» мир, мир, никем не созданный, существующий и существовавший вечно,—вот основа вселенной, основа всякого бытия. Вне этой «природы», за ее пределами и вне тех законов, которые действуют в природе, нет ничего; по крайней мере, нелепо и бесцельно пытаться выскочить за эти пределы, искать какой-то «потусторонний» мир, недоступный нашим чувствам и нашему познанию.

«Человек»—говорит Гельвеций—«есть создание природы; он находится в природе; он подчинен ее законам; он не может от нее освободиться, он не может, хотя в мыслях, выйти за ее пределы... Для существа, созданного природой, не существует ничего по ту сторону великого целого, часть которого он собою представляет... Существа, стоящие будто-бы выше природы и отличные от нее, являются простыми химерами», т.-е. выдумкой, продуктом нашего больного воображения.

Если для идеалиста настоящую ценность представляют только «идеи» или «дух», а телесный, материальный мир есть лишь «сырой материал» для идеи или же плохая копия, несовершенное отражение «мира идей»; если для некоторых, самых крайних и последовательных идеалистов внешний мир, включая и других людей, существует лишь в нашем воображении, то для материалиста единственно несомненным является именно «внешний мир», или «природа», включающая и человека, мое «я», с его «идеями». При чем эти «идеи» служат лишь отражением—и часто очень плохим и несовершенным—этого внешнего мира в нашем сознании.

А что такое «материя»? Это именно все то, что находится вне нашего сознания, что действует на наши органы чувств. О «сущности» материи мы знаем и можем узнавать лишь по ее свойствам, которые дает нам опыт и которые мы, следовательно, можем изучать. Несомненно лишь, что материя состоит из мельчайших частиц, которые всегда находятся в движении. Если нам кажется, что какое-нибудь тело находится в покое, то это значит только, что в нем происходит внутреннее движение частиц. Все изменения форм и свойств его являются следствием движения, без которого материи не бывает.

Как же относится «материя» к «сознанию», как из материальной

природы может получиться ощущение и мысль? На этот вопрос у материалистов 18-го века имеются разные ответы. Одни из них, в согласии с основным взглядом Спинозы, так же, как и Ламетри, полагают, что «сознание», т.-е. как теперь бы сказали «психическая деятельность», «психика» присуща всякой материи, является основным ее свойством, как и движение. Это не значит, конечно, что камень, например, может «думать». Но это значит, что какое-то смутное, бессознательное внутреннее состояние, лишь в зародыше напоминающее чувства, ощущения и стремления живых существ, сопровождает каждое движение материи и ее частиц. Может-быть, то притяжение и отталкивание частиц, которое мы наблюдаем в природе, например, притяжение железа магнитом, сопровождается каким-то отдаленным подобием нашей любви и ненависти. Ведь и у животных, чем проще их строение и чем ниже они на лестнице живых существ, тем менее похоже то, что они ощущают, на то, что испытываем мы, люди. А растения? Обладают ли они хотя бы в самой слабой степени «сознанием»? Чувствуют ли они, напр., боль? Никто этого не знает и знать не может, так как даже о чувствах других людей или высших животных мы догадываемся лишь по их внешним, физическим проявлениям, напр., крикам или телодвижениям. А ведь растения—живые существа, которые также родятся, растут, плодятся и умирают, как и животные.

Другие материалисты были того мнения, что «сознанием» обладает не вся и не всякая материя, а лишь высшие ее формы, более организованные, напр., высшие животные, имеющие разветвленную нервную систему: движение частиц этих нервов и сопровождается таким внутренним состоянием, которое мы называем «сознанием», т.-е. ощущением, мыслью и волей. Следовательно, и эти материалисты понимали вопрос гораздо глубже, чем многие позднейшие их последователи, так называемые «вульгарные», т.-е. грубые, упрощенные, плохо думающие материалисты, которые полагали, что движение частиц мозга вызывает, порождает «выделяет» сознание, как «печень выделяет желчь». Нет, великие материалисты 18-го века понимали, что нельзя« сознание» об'яснять движением, что движение не причина сознания, а лишь другая сторона одного и того же явления, другое свойство, другая форма существования одного и того же вещества. То, что со стороны, т.-е. другому наблюдателю представляется как движение частиц, напр., частиц мозга, то у самой совокупности этих частиц, у живого и чувствующего существа воспринимается внутренне, «психически», как «сознание»,

Но при этом все материалисты твердо были убеждены в одном, и неустанно это повторяли, а именно, что если не всегда материя обладает «сознанием», то зато сознания без материи не бывает, как не может быть движения без движущегося предмета. Следовательно, нет и не может быть никакой нематериальной «души», которая могла бы вести отдельное от тела существование, следовательно, нет никакой «загробной жизни», как **нет никакого бога.**

В этом отношении материалисты 18-го века в своей борьбе с господством духовенства и людским невежеством были самыми смелыми и решительными из всех исповедывавших до них материалистическую философию. Борьбу с религией во всех ее видах они сделали своей главной задачей и резко проповедывали атеизм, т.-е. безбожие.

Мир никем не создан и никем не управляется. Он существует вечно и будет вечно существовать. В нем происходит непрерывно круговорот, непрерывное движение и перемещение частей и частиц, которое и вызывает все видимые нами явления. Все в мире происходит со строгой закономерностью: нет действия без причины. В мире нет ничего случайного или произвольного: то, что мы называем «случаем», есть лишь результат нашего невежества. Мы не знаем причин какого-нибудь явления, напр., не знаем, вследствие каких незаметных физических причин в данный момент оторвалась и упала на нашу голову с крыши черепица, и говорим, что она упала «случайно». Природа не знает ни случайностей, ни капризов, ни «беспорядка», как не имеет и никаких «разумных целей». И в непрерывной цепи причин и следствий, которые связывают всю вселенную, находится и человек.

Как частицы пыли и воды даже при буре и вихре двигаются не по «случайным» направлениям, а подчиняются все тем же неизменным законам необходимости, и каждое их уклонение в ту или иную сторону вызывается определенными причинами, которых мы не знаем, что и придает движению частиц« случайный» и «капризный» характер в наших глазах,—так и действия каждого отдельного человека даже в бурях революции вызываются какими-либо внешними причинами и не нарушают общей закономерности событий и явлений.

«В ужасных потрясениях», говорит Гольбах в своей знаменитой книге «Система природы»,—«которые охватывают иногда политические общества и нередко причиняют ниспровержение государства, не существует ни одного действия, ни одного слова, ни одной мысли, ни одного движения воли, ни одной страсти в действующих лицах, участвующих в революции как в роли разрушителя, так и в роли жертвы,—которые не были бы необходимы, которые не действовали бы, как они должны действовать, которые не производили бы неминуемо следствий, которые они должны произвести согласно положению, занимаемому действующими лицами в этой нравственной буре. Это бы было ясно такому уму, который был бы в состоянии понять и оценить каждое действие и противодействие, происходящее в духе и теле участников».

Итак, человеческая воля не свободна, и зависит от множества перекрещивающихся внешних и внутренних причин и явлений. Человек есть продукт среды, продукт воспитания и окружающих условий. Все понятия человека, все его «идеи», его образ мыслей и нравственность,—все это получается от тех впечатлений, которые он воспринимает в жизни, начиная с самого детства. Поэтому в сущности человек не может быть ответствен за те поступки, к кото-

рым толкает его дурное устройство общества. «Лишь потому мы видим такое множество преступников на земле», говорит Гольбах в той же книге, «что все сговорилось сделать людей преступными и порочными. Их религии, их правительства, их воспитание, примеры, которые они имеют перед глазами, неодолимо побуждают их ко злу». При этом очень часто «самые гнусные преступления наказываются лишь в тех, кто слишком слаб, чтобы иметь право совершать их безнаказанно. Общество в незначительных людях наказывает проступки, которые оно чувствует в высших» и в то же время самым своим дурным и несправедливым устройством толкает людей на преступления, за которые потом приговаривает их к смерти.

Однако материалисты 18-го века в одном отношении были крайне непоследовательны: они не распространяли своего материализма на историю человечества, на судьбы человеческих обществ и государств. Понимая зависимость человека от окружающих условий, они не видели главной причины, главного рычага, который двигает развитием человечества и общественных отношений, рычага материального, экономического.

Будучи материалистами при об'яснении явлений внешнего мира и человеческой «души», они оставались идеалистами в об'яснении исторических фактов. По их мнению, «идеи правят миром». «Человек несчастлив», говорит Гольбах в самом начале своей книги, «только потому, что он дурно знает природу». Стоит, следовательно, приобрести правильную идею, правильный взгляд на мир и жизнь, и эту жизнь легко будет переделать. Эта вера в силу разума, в возможность путем убеждения устроить общество на разумных началах, это непонимание того, что человечество, кроме общих физических законов, подчиняется своим собственным стихийным, общественным законам, законам экономическим, независящим от воли и сознания людей,—все это резко отличает материализм 18-го века от современного революционного материализма, т.-е. марксизма *).

Другой слабой стороной тогдашней материалистической философии, тоже отличающей ее от марксизма, было отсутствие у нее идеи развития, непрерывного развития всего существующего, и природы и человеческих обществ. Это об'яснялось, главным образом, неразвитостью науки в 18-м веке. Старые материалисты не задумывались над тем, как произошла и развилась жизнь на земле, как из простых и низших форм жизни получилось все разнообразие пестрого мира растений и животных. Их материализм был механическим, слишком упрощенным. Они все об'ясняли простым движением частиц, их взаимным притяжением и отталкиванием, их толчками и влиянием друг на друга, и этим в сущности мало отличались от древнейшего материализма Демокрита и Эпикура. Они не видели, что живая жизнь, мир организованной материи, мир растений и животных, включая человека, имеет свои

---

*) Подробнее о материалистическом понимании истории мы будем говорить в особой главе.

особые законы развития, для которых недостаточно простого механического об'яснения. Точно так же и в человеческом обществе они не видели эволюции, т.-е. закономерного развития. Им казалось, напр., что после падения Римской империи так называемая эпоха средних веков была как бы перерывом в истории цивилизованного человечества, как бы летаргическим сном, от которого человечество стало пробуждаться только под влиянием просвещения. Они не понимали, что «средние века» были законным следствием и результатом прежних эпох, что в течение этих веков человечество тоже жило, боролось и развивалось, и что так называемое« новое время» вовсе не является каким-то «пробуждением», а необходимым следствием развития тех явлений, которые существовали уже и в средние века.

Понимание всего этого возникло лишь в 19-м веке после того огромного прогресса и даже переворота во всех областях науки, который произошел за это время в результате великой промышленной, капиталистической революции.

Но раньше чем философский материализм, вооружэнный всеми данными новейшей науки и ставший—в умелых руках основателей научного социализма Маркса и Энгельса—могучим духовным оружием освобождающегося пролетариата,—раньше, чем этот материализм вырос и выпрямился во весь рост, его развитие было резко прервано и остановлено начавшейся идейной реакцией.

Великая французская революция, отчасти подготовленная той сокрушительной критикой всех старых понятий и учреждений, которую вели философы-материалисты 18-го века, испугала огромное большинство той самой буржуазии, в интересах которой эта революция произошла. Так называемые «ужасы» и «эксцессы» революции, господство «толпы» и «голытьбы» («санкюлотов», т.-е. простонародья),—все это толкнуло массы буржуазии в самой Франции и особенно в более отсталой Германии в лагерь реакции. Началась реакция политическая, религиозная и, наконец, реакция в области идей, реакция философская. «Эксцессы» и «бесчинства» французской революции приписывались материализму французских философов, которые, дескать, разрушили в массах веру в Бога, уничтожили всякую моральную узду, не уважали ничего «святого». Вся французская философия об'явлена была «легкомысленной», недостойной «серьезных» людей, т.-е. педантически-ученых и верноподданных буржуазных профессоров. Новым центром философской мысли сделалась Германия, «страна поэтов и мыслителей», как ее называли, и где с критикой материализма выступили, действительно, такие огромные философские умы, как Кант, Фихте, Шеллинг и Гегель и великий поэт-философ Гете.

Германские философы вступились за права человеческого «духа», за попранные материалистами «идеи» и, в противоположность им, снова провозгласили первенство «идеи» и «духа» над грубой и косной материей. С этой точки зрения все недостатки и несовершенства нашего мира приписывались именно его материальности. Целью человечества об'явлено было господство чистой идеи, борьба

за высший нравственный идеал; а для успокоения встревоженной совести весь наш грешный мир об'являлся или вовсе несуществующим, простым призраком, продуктом нашего воображения, или же плохим, искаженным отражением вечного и справедливого мира идей.

Но, изощряясь в критике материализма, к которой мы еще вернемся, германская философия, особенно в лице Канта и Гегеля, все же во многих отношениях двигала человеческую мысль вперед, оплодотворяла ее новыми идеями. Кант, утверждая, что истинная сущность мира, сущность всех вещей, или «вещь в себе» нам недоступна, тем не менее для видимого мира, или мира «явлений» допускал закономерность, которую мы можем и должны изучать. И хотя, по его мнению, голос нашей совести, тот «нравственный закон», который велит нам отличать добро от зла, каким-то непостижимым образом соединяет нас, нашу бессмертную душу невидимыми нитями с богом, этим источником истины, справедливости и добра,—все же в своих внешних поступках, а также в своих чувствах, настроениях и мыслях мы подчинены общему закону причинности. Следовательно, изгоняя материализм в одну дверь, Кант поневоле должен был впускать его в другую; ибо, помимо какого-то чудесного и необ'яснимого единения души с богом, о котором, как думал сам Кант, мы ничего не знаем и знать не можем, но признания которого требует наше чувство справедливости,—помимо этого чуда, во всем остальном весь мир и человек, насколько это доступно его разуму и пониманию, управляется непреложными законами и не нуждается во вмешательстве бога. Канту же принадлежит гениальная гипотеза (предположение) происхождения нашей солнечной системы из вращающейся туманной массы, т.-е. одна из первых попыток действительно научно об'яснить происхождение и развитие нашего мира.

Гегель, для которого мир и человеческая история есть лишь воплощение вечной саморазвивающейся идеи, необычайно обогатил философию именно понятием непрерывного развития всего существующего и притом развития путем борьбы и столкновения противоречий. Вспомнив учение древне-греческого мыслителя Гераклита о том, что «все течет, все изменяется», о том, что борьба есть высший закон вселенной во всех ее проявлениях, Гегель с необыкновенным талантом и силой развил это учение, названной им «диалектикой». Он сделался кумиром целого ряда поколений германской интеллигенции первой половины 19-го века и сыграл огромную роль в умственном развитии молодого Маркса.

А когда один из учеников Гегеля Людвиг Фейербах резко порвал с идеалистической реакцией в философии и снова открыто, хотя не совсем последовательно, провозгласил принципы уже, казалось, окончательно похороненного и почти забытого материализма, это составило целую эпоху и означало, что приближается новый революционный период. В 1841 году появилась знаменитая книга Фейербаха «Сущность христианства»,

которая произвела переворот в умах тогдашней передовой германской интеллигенции и с восторгом встречена была Марксом и Энгельсом. Фейербах не только боролся с религиозными предрассудками и развенчивал христианского бога, но и самую философию низвел с заоблачных высот туманного и отвлеченного идеализма на землю, в самую гущу человеческой жизни и сделал центром ее—человека.

«Природа существует независимо от какой бы то ни было философии» (так излагает Энгельс взгляды Фейербаха). «Она есть основание, на котором вырастаем мы, люди—ее произведения. Вне природы и человека нет ничего. Высшие существа, созданные нашей религиозной фантазией,—это лишь фантастические отражения нашей собственной сущности», или, иначе говоря, не «бог создал человека по образу и подобию своему», как учит нас так называемое священное писание, а, наоборот, человек, в своем воображении, создал бога по образу и подобию своему, наделив лишь его сверх'естественной силой и другими чудесными свойствами.

Далее, с точки зрения Фейербаха, не человек для идеи, а идея для человека. Человеческие потребности, счастие человека, его развитие, его свобода—вот что должно стать целью наших усилий, нашей борьбы. Притом, говорил Фейербах, «я создаю не предметы из идей, а, наоборот, идеи из предметов, а предметом я считаю только то, что существует вне моей головы».

Став, под влиянием Фейербаха, материалистом, Маркс принялся за изучение забытых материалистов 18-го века и очень скоро превзошел их всех. Ибо он применил к материалистической философии гегелевский диалектический метод, т.-е. уменье видеть каждое явление не в отдельном, как бы выхваченном из общей цепи причин и следствий, как бы застывшем виде, а в движении, в развитии, полном внутренних противоречий и борьбы.

Маркс понял, что к развивающемуся явлению не всегда применимы обычные наши мерки и понятия, что полезное сегодня может стать вредным завтра, а то, что кажется сегодня истинным, может завтра оказаться ложным. Всякое явление природы или человеческого общества, развиваясь, меняет свою форму, и, наконец, исчезая, отмирая, дает место новому явлению, новой жизни. Так происходит во всем животном и растительном царстве, так бывает и в истории человечества, где накопляющиеся незаметные изменения в экономической жизни приводят к таким противоречиям, которые рано или поздно вызывают взрыв, подобно взрыву котла под давлением накопившихся паров. Этот взрыв и есть революция, в результате которой на развалинах старого, разрушенного революцией общества вырастает новое общество, как из разорвавшейся куколки вылетает бабочка.

Таким образом Маркс впервые применил материалистическую философию к об'яснению не только природы, но и истории человечества.

Взяв у Гегеля его диалектический метод и наполнив его материалистическим содержанием, Маркс, по собственному выражению,

поставил, это «опрокинутое» головой вниз мировоззрение—снова на ноги, на твердую почву реальной действительности. И в руках Маркса философия Гегеля, оплодотворенная материализмом, стала, действительно, «алгеброй революции», как метко окрестил ее русский революционный писатель Герцен, т.-е. формулой вечной борьбы, вечного развития и прогресса.

В учении Маркса и Энгельса философский материализм нашел свое высшее, наиболее совершенное выражение, закончил тот путь, который начался в глубокой древности, с детски-наивных, но гениальных догадок Демокрита.

К изложению сущности современного научного материализма мы теперь и переходим.

IV.

Современный материализм и наука

Новейшие критики материализма, пользуясь философскими рассуждениями Канта и основанной им теорией познания, т. е. учением о том, как мы воспринимаем внешний мир и каковы границы нашего познания, что мы можем изучить и чего мы никогда не узнаем,—любят повторять, что материалистическая философия не научна. Материализм,—говорят они,—это новая метафизика, подобно старому, некритическому, докантовскому идеализму, ибо он тоже имеет дело с выдуманной, отвлеченной, недоступной ни опыту, ни изучению сущностью, «материей», о которой мы ничего не знаем и никогда не узнаем, и которая, по всей вероятности, не существует вовсе. В самом деле, все, что мы знаем о внешнем мире, мы получаем, в конечном счете, при помощи наших органов чувств, от впечатлений и ощущений. Но эти впечатления действительны только для нас. Существо с другой нервной организацией, с другими органами чувств воспринимало бы этот мир совсем иначе. Мы уже приводили пример слепого, для которого не существует цветов и красок, или глухого, который не знает, что такое звук.

Следовательно,—говорят одни из критиков,—как, например, немецкий физик и философ Мах, у которого есть последователи даже среди некоторых русских марксистов,—мир вообще и состоит лишь из звуков, красок, запахов, давлений, т. е. наших ощущений, значит, он существует только для нас, в нашем представлении. Другие критики утверждают, что «сущности» явлений, того «нечто», которое действует на наши органы чувств и вызывает в нас все ощущения и впечатления, мы никогда не узнаем.

Первое направление есть возврат к суб'ективному идеализму, к отрицанию внешнего мира. Второе же, так называемый «агностицизм», т. е. философия незнания, или «позитивизм», т. е. философия «положительного» того, что нам дает опыт, в некоторых своих формах, есть, в сущности, как правильно отмечает Энгельс в своей книжке о Фейербахе, стыдливый, замаскированный материализм (а иногда такой же идеализм).

Ибо и для материализма ясно и было ясно с давних времен, что мы судим о материи только по ее свойствам. И если мы отнимем у материи все эти свойства на том основании, что они суб'ективны, т. е., что мы узнаем о них лишь на основании наших впечатлений и ощущений,—то останется пустое место, которое нас не интересует и спорить о котором—праздное дело.

Маркс это понял еще в молодости, в 1845 г., тотчас после того, как, усвоив, под влиянием Фейербаха, философский материализм, он быстро опередил в его понимании всех своих учителей. «Вопрос о том», писал он в своих замечательных «тезисах» о Фейербахе, «способно ли человеческое мышление познать предметы в том виде, как они существуют в действительности,—вовсе не теоретический, а практический вопрос. Практикой должен доказать человек истину своего мышления, т. е. доказать, что оно имеет действительную силу и не останавливается по сю сторону явлений. Спор же о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто-схоластический вопрос».

Другими словами, только из практики, из опыта многих поколений узнает человечество о том, правильны ли его понятия и познания о внешнем мире, каков он на самом деле, вопреки часто обманчивому свидетельству наших чувств, наконец, каким он был и как он развивался до появления человека на земле. Этот опыт все совершенствуется: одни понятия и представления, наталкиваясь на противоречия, заменяются другими, становятся более правильными, т. е. более отвечающими нашей практике, и, таким образом, наше понятие о мире и его сущности все более улучшается, все более приближается к тому, что есть на самом деле.

До сих пор огромное большинство человечества считает, что земля неподвижна, а солнце движется по небу. Если вы скажете дикарю, что дело происходит как раз наоборот, что земля движется вокруг солнца, он примет вас за лгуна или сумасшедшего. До сих пор огромное большинство человечества верит в чертей и ведьм, в привидения и загробную жизнь. И находятся даже «ученые», столь слабые духом, что верят в такой вздор, как спиритизм, т. е. вертящиеся столы и возможность через посредство стука этих столов или блюдечка, путешествующего по столу,—сноситься с «духами» умерших людей.

Что же, если мир для нас таков, каким он нам кажется, или, наоборот, если мы не знаем и не можем знать, каков он на самом деле, кто же все-таки прав, дикарь или образованный европеец? Земля ли движется вокруг солнца или солнце вокруг земли? Существуют ли ведьмы и привидения, можем ли мы разговаривать с духом Петра Великого или нашей умершей бабушки, или это вздор? Каков же мир на самом деле? Есть ли разница между наукой и суеверием?

Вряд ли найдется хоть один «ученый» критик материализма, который не дал бы вполне определенные ответы на эти вопросы, который не признал бы, что, вопреки нашим ощущениям, на самом деле земля движется вокруг солнца, а не наоборот, на самом деле ведьм нет и разговор с духами—это или болезненное самовнушение,

гипнотизм, или шарлатанство. Значит, при помощи науки мы можем, хоть приблизительно узнавать о мире, каков он есть на самом деле.

Далее, если мир существует только для нас, лишь постольку, поскольку мы его воспринимаем, если, например, как говорил Кант и его последователи, даже пространство и время на самом деле не существуют, а являются лишь формами нашего восприятия, способом, каким мы познаем все явления, то спрашивается: был ли в таком случае мир до появления человека на земле, и было ли в этом мире пространство и время? Занимала ли земля то же место, что и теперь, сменяли ли друг друга день и ночь и т. д. Стоит лишь поставить такой вопрос, чтоб ясна была вся нелепость критики материализма, которая пытается доказать, что самая материя—это выдумка философов. Если бы это было так, то ненужными и праздными оказались бы все естественные науки, которых не отрицает ни один критик материализма и развитие которых дает непрерывно все новые и новые блестящие доказательства истинности материалистической философии, материалистического миропонимания.

Правда, среди критиков материализма находятся и такие, которые, признавая необходимость и пользу науки, утверждают, что наука лишь устанавливает причинную связь и закономерность между нашими ощущениями, а действительной сущности мира, мира самого по себе она познать не может. Но, во-первых, если есть причинная связь и закономерность между нашими ощущениями, значит, она существует и по отношению к тому «неизвестному», к тому «нечто», что эти ощущения вызывает. А во-вторых, это могло бы относиться к ощущениям настоящим и прошлым, но уже никак не к будущим.

Сила же и правильность современной науки, соответствие наших научных понятий о мире тому, что действительно в мире происходит, лучше всего подтверждается научными предсказаниями.

Так, например, когда Коперник впервые установил, что земля и другие планеты вращаются вокруг солнца, по определенным законам, когда Ньютон об'яснил это движение при помощи открытого им закона всемирного тяготения, все это было лишь гипотезой, т.-е. научным предположением, но не достоверностью. Но когда, видя какие-то необ'яснимые неправильности и отклонения в движениях планет, астроном Леверрье уже в 19-м веке вычислил, сидя у себя в кабинете, с пером и таблицей логарифмов в руках, пользуясь данными о весе и скорости движения известных тогда планет, что в солнечной системе должна существовать еще одна планета, до сих пор не открытая; когда он определил, опять таки, путем вычисления, ее вес, т.-е. массу, ее скорость, расстояние от солнца и то место, которое она в данный момент должна занимать на небе; и, когда, на основании этих указаний, ряд астрономов направил свои телескопы на определенный участок неба, и астроном Галле, действительно, нашел эту новую планету (Нептун),—это было величайшим праздником науки, величайшим торжеством материалистического миропонимания.

Другим таким торжеством были открытия знаменитого русского ученого химика Менделеева. Изучая свойства разных простых

химических тел, или элементов, как водород, кислород, железо, сера и т. п., он нашел, что эти свойства, физические и химические, зависят от различий в их атомном весе, т.-е. весе тех мельчайших, недоступных никакому наблюдению частиц, которые еще Демокрит назвал «атомами» и которые, соединяясь между собою, и образуют молекулы, или более крупные частицы всех имеющихся в природе веществ.

Разделив все простые тела сообразно их атомному весу на определенные ряды, которые и получили название «периодической системы Менделеева», он заметил, что в некоторых местах этих рядов элементов, этой системы имеются как бы пропуски, как бы недостающие, неизвестные еще вещества. Он определил их предполагаемый атомный вес, их физические и химические свойства и выразил уверенность, что такие вещества действительно существуют. Первоначально одно из них, гелий, было обнаружено при помощи научного приема, известного под названием «спектрального анализа»*), только на солнце. Но дальнейшие химические исследования открыли все предсказанные Менделеевым элементы или у нас на земле, или на других планетах.

Итак, и на этот раз блестящее подтверждение научных предсказаний лишний раз показало всем скептикам-маловерам и идеалистам, всем критикам и противникам материализма, что материя—не метафизическая выдумка, а реальный факт, реальная основа всех мировых явлений.

Недаром Энгельс сказал, что практика и промышленность развеяли последние идеалистические умствования противников материализма, что с тех пор, как мы в своих химических лабораториях научились сами приготовлять даже органические вещества, т.-е. вещества, из которых состоит растительный и животный мир,—исчезла последняя загадка материи; и Кантовская таинственная, непостижимая, недоступная разуму и опыту «вещь в себе», т.-е. то, что составляет сущность всех вещей, за которой так бесплодно гонялись философы всех веков, перестала быть «вещью в себе» и стала «вещью для нас».

Что же такое эта материя, против которой уже давно с таким усердием ополчаются все буржуазные философы? Каково ее строение? Каковы управляющие ею законы? Как из бесформенной материи произошли и продолжают возникать, развиваться и разрушаться все бесчисленные миры, составляющие вселенную? И как, наконец, образовалась наша земля со всей наполняющей ее яркой и пестрой жизнью, с человеком и человеческой мыслью в качестве «венца творения»?

Разумеется, чтобы ответить на эти вопросы хоть сколько-нибудь удовлетворительно, нужны целые томы, и в маленькой брошюре нельзя подвести итоги всему современному естествознанию. Поэтому нам в этой главе придется ограничиться лишь самым общим и кратким

*) Определение состава небесных тел на основании темных линий спектра, т.-е. той радуги цветов, которая получается, когда луч света проходит через призму.

очерком развития материи и несколько подробнее остановиться только на учении об атомах, как самой древней и важной части материализма, на дарвинизме, или учении о развитии разных форм жизни, и, наконец, на связи между материей и сознанием, между мозгом и мыслью.

Прежде всего одна и та же материя заполняет все уголки вселенной. Одни и те же вещества содержатся и в земле, и в теле растений и животных, и в планетах, и в самых отдаленных звездных мирах. «Те самые атомы, которые трепещут и несутся с необычайной быстротой в наших мозгах и мускулах, когда-то, миллионы лет назад, составляли часть живого растения или животного и вновь образуют часть живого растения или животного миллионы лет спустя. И материя, ныне образующая наши тела, в той или иной форме будет существовать еще долго спустя после того, как настоящий порядок творения канет в вечность; и вновь она будет носиться в ветрах других, еще не народившихся миров и вновь трепетать в формах еще не развившейся теперь жизни»*).

Материя эта не имеет ничего сходного с тем, как мы себе ее представляем. Все предметы, которые кажутся нам твердыми и непроницаемыми, на самом деле состоят из бесчисленных миллионов мельчайших частиц, атомов, находящихся в непрестанном и бурном движении. В одной пылинке цветочной пыли более триллиона таких атомов. Из атомов составляются физические частицы тел—молекулы, которые напоминают нашу солнечную систему, где роль солнца, планет и их спутников играют отдельные атомы. Мало того: теперь доказано, что даже самые атомы не являются последними частями материи, не являются твердыми телами. «Каждый атом, вероятно, состоит из нескольких тысяч тончайших точек, заряженных отрицательным электричеством, которые летают и кружатся по астрономическим орбитам **) внутри атомов (подобно пчелиному рою, кружащемуся внутри купола большого кафедрального собора») ***).

Многие критики материализма и даже серьезные ученые долгое время думали, что атомов, может-быть, не существует вовсе, что это лишь гипотеза химиков, которым она помогает об'яснять химические явления, соединение и распад разных веществ. Действительно, разные простые тела соединяются между собою только целыми пропорциями: напр., вода состоит из одной части кислорода и двух таких же частей водорода. Серная кислота состоит из одной части серы, двух таких же частей водорода и четырех равных по об'ему частей кислорода. Всегда соединяются друг с другом разные тела в целых пропорциях (2 и 4, 1 и 3, а не 2½ напр.). Это можно было бы об'яснить только так, что в одну частицу, или молекулу нового вещества, напр., воды или серы, соединяются, сцепляются, сливаются целые, неделимые однородные частицы, или атомы первоначальных тел (водорода, кислорода, серы).

---

*) Джефри Мартин. „Чудеса и завоевания современной химии“, стр. 1—2

**) Т.-е. как планеты вокруг солнца.

***) Там же, стр. 4.

Тем не менее, повторяем, долгое время сами химики смотрели на атомную теорию, развитую в начале XIX века Дальтоном, лишь как на гипотезу, которую доказать нельзя. За то теперь, после открытия радия, оказалось, что атомы не только несомненно и реально существуют, но в некоторых веществах от этих мельчайших атомов как бы отщепляются, разбрызгиваются еще более мелкие частицы (в этом и заключается особое действие радия), и эти частицы, в виде горящих электрических точек, удается даже сфотографировать. После этого всякое сомнение в существовании атомов, впервые угаданных Демокритом, должно было смолкнуть.

И если мы вспомним, что все разнообразие внешнего мира есть, действительно, лишь сумма наших ощущений, что природа сама по себе не знает ни красок, ни звуков, ни запахов, что все эти ощущения и впечатления вызываются в нас движением наших нервов и мозга под влиянием толчков, получаемых от движения внешней материи, если мы вспомним все это, то мы еще раз сможем оценить все величие и гениальность древнего мыслителя, 2300 лет тому назад сказавшего: «Лишь кажется нам, что существует горечь и сладость, тепло и холод, различные цвета: на самом деле существуют лишь атомы и пустота».

Впрочем, теперь мы знаем, что настоящей пустоты во вселенной нет: вся она, все пространство как между звездными мирами, так и между молекулами, атомами и частицами этих атомов заполнено каким-то особым, еще недостаточно изученным и потому непонятным веществом, «мировым эфиром», свободно пропускающим материю, так что она движется сквозь эфир, «как решето сквозь воду». Этот эфир, может быть, и есть то первичное вещество, та праматерь всего существующего, от которой произошла материя, с ее атомами разных веществ или элементов, с ее звездными мирами и живой жизнью.

Ибо мы знаем теперь также и то, что, как мы уже указывали, атом не есть последняя неделимая частица вещества. Если в химических соединениях атом, как целое, соединяется, «спаривается», подобно животным или растениям разных полов, с атомами другого вещества, наиболее ему «сродного» («химическое сродство», говорят о веществах, которых особенно «тянет» друг к другу), то внутри каждого атома заключен целый новый мир. Тысячи мельчайших частиц, «электронов», как их называют, со страшной быстротой кружатся внутри атома, сталкиваются, расскакиваются, выскакивают за его пределы. В каждом атоме происходят целые бури, землетрясения и катастрофы, в результате которых атом иногда даже разрушается, распадается, распыляется. И образовавшаяся таким образом «атомная пыль» или «атомный пар» создает затем новые атомы, как из настоящего водяного пара возникают капельки воды.

И то, что происходит внутри ничтожнейшего атома, совершается в необ'ятных мировых пространствах. На протяжении несчетного числа лет из первичной материи, собранной в так называемых туманных массах (некоторые из них и теперь видны на небе), путем сгущения и самовозгорания образуются вращающиеся огненные шары с раскаленными газами. От этих шаров, вследствие центробежной силы, время

от времени отрываются кольца, распадающиеся затем на отдельные куски той же раскаленной материи, которые начинают вращаться вокруг главного тела. Так как эти «спутники» имеют меньший об'ем, то они скорее стынут, превращаются сперва в жидкое а потом и в твердое состояние. Так, вероятно, произошла земля и другие планеты, оторвавшиеся от солнца, а также луна, в свою очередь оторвавшаяся от земли, когда она еще была в газообразном состоянии*).

С другой стороны вполне застывшие и, может быть, даже окаменевшие миры, в результате какой-нибудь катастрофы, напр., падения спутника на главное тело, столкновения с какой-нибудь случайно залетевшей звездой или кометой, могут от силы удара вновь разгореться и даже распасться, распылиться, превратиться снова в туманную массу. Так происходит непрерывно круговорот материи во вселенной, так возникают, развиваются, стареют и распадаются или зажигаются вновь целые огромные миры. В бесконечно большом и бесконечно малом совершаются по существу одинаковые процессы и явления.

В один из таких моментов истории мироздания, моментов, длившихся, с нашей, человеческой точки зрения, громадное, необозримое время, возникла наша земля, такая же планета, как и другие, вращающиеся вокруг нашего солнца или вокруг тех бесчисленных солнц, из из которых состоит звездное небо. Первоначально земля была таким же огненно-жидким шаром, как солнце. Потом, в течение несчетных миллионов лет она постепенно остывала. Раскаленные газы разных химических веществ**) превращались в горячий пар, который, в свою очередь, остывая, проливался потоками жидкости. Более тяжелые и твердые вещества оседали внизу, образуя ядро земного шара; жидкие и газообразные вещества плавали сверху, образуя постепенно водную поверхность земли и ее атмосферу.

Это было время грозных и величественных явлений природы, время, когда наша земная планета переживала свой революционный период, в грозе и буре понемногу принимала свой теперешний вид. Грандиозные взрывы и потрясения, небывало яркие и могучие грозы и ливни, вот что из себя изображала в эту отдаленную эпоху та громадная химическая лаборатория, которой была на заре своей юности (а в более спокойном виде остается и теперь) наша земля.

---

*) Конечно, нельзя утверждать, что так именно произошла солнечная система (есть и другие гипотезы), но это вполне возможно. Физики знают один очень интересный опыт, который подтверждает эту гипотезу, принадлежащую Канту и французскому ученому Лапласу. Если в смесь воды и спирта опустить не оторое количество прованского масла, которое тяжелее спирта и легче воды, то оно примет форму шара и будет сво одно двигаться внутри смеси. Если затем этому жидкому шару придать вращательное движение, то от него начнут отрываться кольца, в свою очередь превращающиеся в маленькие шаровидные капел ки масла, которые, в виде спутников, будут вращаться вокруг главного шара. Из известных нам небесных тел планета Сатурн, до сих пор окружена такими кольцами.

**) Наука открыла и опыт подтвердил, что не только вода бывает в трех состояниях — твердом, жидком и газообразном, — но что эти перемены свойственны всем веществам. С одной стороны, бывает жидкое, а при очень высокой температуре, даже газообразное железо, а с другой,—жидкие и даже затвердевшие газы.

Этот период остывания, при котором происходил непрерывный процесс соединения и нового распада веществ, переживали и переживают и другие планеты. При этом одни из них—как напр., Юпитер—еще не совсем остыли и находятся в полужидком состоянии, другие, как Марс, напр., находятся приблизительно в том же состоянии, как и наша земля (почему и предполагают, что на Марсе должны быть живые существа); наконец, третьи, вроде нашего собственного спутника—Луны, уже успели совершенно застыть и окаменеть, лишены и воды и атмосферы, и потому, вероятно, на них исчезла всякая жизнь, и—мертвые, застывшие, холодные—они мчатся в безмолвии по небесным пространствам, пока какая-нибудь грозная мировая катастрофа не вызовет в них новой революции, нового распада или пожара, после которого процесс начнется с начала.

Такая же судьба ждет и нашу землю и всю нашу солнечную систему. Когда-нибудь и она застынет или распадется во время одной из революций, потрясающих те или иные уголки вселенной. Но этот процесс остывания так медлен и незаметен, он будет длиться такое неизмеримое число миллионов лет, что нам, людям, и нашей человеческой цивилизации во всяком случае опасаться нечего: «на наш век хватит».

И тем более верно это, что совершенно нельзя теперь предвидеть, до чего дойдет могущество человека в познании тайн природы, в борьбе с нею и в приспособлении ее к целям и нуждам человека. Может быть, как фантазируют некоторые ученые, задолго до того, как процесс остывания нашей планеты даст себя почувствовать человечеству, оно найдет возможным сноситься с другими мирами и подготовить своего рода «эмиграцию» нашей культуры на другую планету или, что более вероятно, искусственно вызовет процесс внутреннего согревания земли (что и теперь отчасти происходит, благодаря теплу, порождаемому распадом радио-активных веществ), создаст в земле «собственное отопление», предотвратит поглощение воздуха и воды и сделает ее независимой от остывающего солнца...

В великом круговороте вещества, образующем вселенную, кроме одинаковости самой материи, господствуют два основных принципа или закона природы, неразрывно связанных между собой: закон сохранения материи и закон сохранения силы, или энергии. Вот как излагает первый закон известный немецкий ученый-материалист Э. Геккель в своей интересной книге «Мировые загадки»: «Сумма материи, наполняющей бесконечное мировое пространство, остается неизменной. Когда тело на вид исчезает, оно только меняет свою форму; когда уголь сгорает, он, соединяясь с кислородом воздуха, превращается в газообразную углекислоту; когда кусок сахару растворяется в воде, то его твердая форма переходит в капельно-жидкую. Точно также материя только изменяет свою форму, когда кажется, что появляется новое тело; когда идет дождь, то водяные пары, находящиеся в воздухе, осаждаются из него в виде капель; когда железо ржавеет, то поверхностный слой металла соединяется с водой и с кислородом воздуха и обра-

зует ржавчину, или гидрат окиси железа *). Мы нигде в природе не видим, чтобы появилась или была «создана» новая материя; мы нигде не видим также, чтобы существующая материя исчезла или превратилась в ничто. Это показание опыта составляет в настоящее время первое и непоколебимое основное положение химии и может быть доказано во всякое время с помощью **весов**».

Не правда ли, как это последнее слово науки напоминает первое положение **древнего демокритовского материализма**: «из ничего ничего не бывает; ничто из того, что есть, не может быть уничтожено; всякое изменение есть только соединение и разделение частей».

Что касается второго закона, закона сохранения энергии, то он формулируется так: «**сумма сил, действующих в бесконечном мировом пространстве и проявляющихся во всех явлениях, остается неизменной**». Это значит, что как не исчезает и не появляется вновь сама материя, так не исчезает и не возникает вновь сила, или энергия, т.-е. способность материи производить работу. То, что нам кажется исчезновением силы или же движения, а также их появлением, есть лишь переход одной формы энергии или движения, **открытой**,—в **другую**, скрытую **). Поясним это примерами. Физикой установлено, что то, что мы называем **теплотой**, или **звуком**, или **электричеством**,—не что иное, как особые виды **внутреннего движения частиц**.

Так вот, когда мы бежим и вдруг остановимся, нам сразу становится жарко. Это означает, что наше внешнее движение не исчезло, а превратилось во внутреннее движение частиц нашего тела, которое и воспринимается нами, как теплота. Так же нагреваются все тела от трения или удара. Наоборот, теплота, в свою очередь, может превращаться в движение, и тогда кажется, что это движение возникло «из ничего». Когда мы нагреваем воду в паровом котле паровоза, то сила напряжения нагретого водяного пара толкает поршни паровой машины и, таким образом, превращается в живую силу механического движения, и локомотив тянет за собой весь поезд.

Это же происходит и со светом, и со звуком, и с электричеством.

Дрожащая от смычка струна вызывает незаметные для нашего глаза колебания воздуха, которые, попадая в наше ухо и раздражая слуховые нервы, вызывают в свою очередь такие движения и колебания частиц в определенных клеточках мозга, **которые наше сознание воспринимает, как звук**. Эти движения, замирая, тем не менее сохраняются в скрытом виде, в виде колебания еще более мелких частиц и образуют основу **памяти**, дающей нам возможность за-

---

*) Так называется в химии это сложное вещество. **Гидрат** — значит такое химическое соединение, в которое входит вода.

) Когда камень катится с горы, это открытая, явная, или, как говорят в физике, „кинетическая**“, т.-е. двигательная энергия. Когда тот же камень лежит на самом краю пропасти, так что малейший толчок может его сбросить, в нем сила тяжести выражается в форме скрытой, внутренней, или, как называют физики, „**потенциальной**“ энергии, т.-е. **энергии напряжения**.

помнить слышанный на скрипке мотив; и под влиянием какого-нибудь внешнего или внутреннего толчка скрытая в нашем мозгу внутренняя энергия полученного звука разряжается (как порох при выстреле, где химическое напряжение соединившихся в порохе веществ переходит в движение газов, толкающих пулю) и, передаваясь по голосовым нервам, дает нам возможность повторить, пропеть этот мотив. Так первое движение руки, водящей смычком, не исчезает, а лишь «скрывается» и после более или менее продолжительного перерыва появляется вновь в форме дрожания наших голосовых связок и вызываемого ими пения.

Точно также когда мы нажимаем пуговку электрического звонка, смыкание тока вызывает электрическую энергию, которая приводит в движение колокольчик, звуки его разряжают скрытую энергию в двигательных нервах слышавшего звонок человека, и он идет отворить нам дверь. Движение моего пальца через целый ряд превращений энергии привело к движению человека, отворяющего дверь.

И, наконец, последний, особенно важный для нас пример, важный потому, что он подводит нас непосредственно к загадке происхождения жизни на земле.

То, что мы воспринимаем, ощущаем в форме света, есть, как известно, особое колебание мирового эфира, вызываемое движением и толчками частиц светящегося тела и расходящееся лучами во все стороны, подобно кругам на воде от брошенного в нее камня. Эти колебания эфира, в виде солнечных лучей, попадая на листья растений, обладают каким-то еще не изученным свойством—превращать и отлагать в растениях находящийся в воздухе в небольших количествах углекислый газ (тот самый, который с шипением вырывается из откупориваемой бутылки с сельтерской водой)—в твердый углерод. Твердый углерод—главная составная часть растений, та именно, которая горит и дает уголь. В виде разных химических соединений он входит во все органические вещества, т.-е. является основой всего растительного и животного мира. Остатки перегнивших растений, накопляясь пластами в земле в течение миллионов лет, превращаются сперва в торф, а потом еще больше твердея и как-бы каменея, в каменный уголь.

Таким образом, та солнечная энергия, которая много миллионов лет тому назад, может-быть, задолго до появления человека на земле, превращала углекислый газ (бывший тогда в гораздо больших количествах, чем теперь) в уголь тогдашних гигантских растений и содействовала их росту,—не пропала бесследно. Она лишь превратилась из «кинетической», двигательной, в скрытую, «потенциальную», т.-е. внутреннее движение и напряжение мельчайших частиц углерода. И этот углерод, переходя постепенно из гниющих растений в торф и каменный уголь, теперь, спустя миллионы лет, сжигается нами, дает тепло и, превращая воду в пар, снова переходит в движение и возит наши поезда и пароходы. Затраченная миллионы лет тому назад солнечная энергия, в виде волнообразных колебаний мирового эфира, как бы уснула и лишь теперь, подобно сказочной

спящей царевне, пробуждается от своего очарования и снова дает и свет, и теплоту, и движение.

Таково поистине чудесное свойство закона сохранения и превращения энергии, свойство, в совершенстве изученное и измеренное современной физикой*).

Но из приведенного нами примера вытекает и другое следствие. Энергия солнечного луча своей невидимой и незаметной, но тем не менее огромной работой ежеминутно во время роста растений превращает неорганическую «мертвую природу», углекислый газ (разлагая его на составные части, углерод и кислород) в природу органическую, в живую ткань растений. Это происходит каждое лето на наших глазах. На наших глазах движение мирового эфира творит живую жизнь из составных частей «мертвой природы».

Все органические вещества, из которых состоят тела растений и животных, это, в главной своей части, «углеводы», т.-е. химические соединения—в самых разнообразных пропорциях—углерода, кислорода и водорода, находящихся в нашем воздухе. Животные питаются растениями, а растения получают большую часть своего материала прямо из воздуха при помощи той работы, которую проделывает в великой мастерской природы солнечная энергия.

Следовательно, солнечная, световая энергия непосредственно превращается в энергию жизни, энергию живых существ.

Как возникла жизнь на земле, этого мы еще не знаем. Не знаем мы наверное и того, возникают ли и теперь в природе какие-нибудь живые существа самопроизвольно, прямо из мертвой материи, или же каждое живое создание, каждый организм происходит только от другого, уже существующего, путем деления, дробления, как это бывает с низшими, простейшими живыми существами, или путем рождения. Мы знаем, и только что видели это на примере растения, что живые организмы, при помощи солнечного света, усваивают, поглощают, перерабатывают нужные им для питания и роста элементы «мертвой» материи. Но еще нигде до сих пор не наблюдалось, чтобы из неорганических веществ непосредственно создавалась жизнь, без рождения от другого существа, хотя отдельные органические вещества, составные части живых организмов новейшая химия уже научилась добывать. Может-быть, теперь химические и физические условия земного шара не благоприятствуют самопроизвольному зарождению новых живых форм. Но несомненно, что был такой момент в развитии земли, когда, под влиянием каких-то особенных условий температуры и химического состава, на ней впервые появилась жизнь.

По всей вероятности, она возникла в начале процесса остывания земли в глубине океанов, в форме первичной живой материи, т.-е. той студенистой слизи, которая называется «протоплазмой» и которая уже обладает способностью впитывать в себя из окружающей среды, усваивать нужные ей вещества, а также дробиться, делиться

*) Подробно об этом см. в прекрасной книге покойного проф. Тимирязева „Жизнь растения".

на такие же живые «клеточки», т.-е., другими словами, питаться, расти и размножаться.

Обо всем этом мы можем только догадываться, только строить гипотезы до тех пор, пока наука не найдет способов сама, на опыте превращать «мертвую» материю в «живую» (если это когда-либо будет возможно).

Но каким образом из первой бесформенной протоплазмы, из первичного комка студенистой материи, этого зародыша жизни на земле, как из него возникли и развились все те бесчисленные и разнообразнейшие формы растительного и животного мира, до человека включительно, которые населяют землю,—это мы теперь более или менее знаем и понимаем.

Между тем именно это, именно разнообразие форм жизни и их целесообразное устройство, их приспособленность к условиям жизни каждого существа больше всего удивляли философов с древнейших времен, больше всего заставляли их признавать необходимость «творца», чудесного «мастера» всех этих изумительных живых существ с их необыкновенными свойствами и приспособлениями.

Даже ученые исследователи природы долго думали, что все существующие теперь на земле «виды», т.-е. группы, породы животных и растений, как например, лошади, собаки, разные рыбы, насекомые, сосны, грибы и т. д., имеющие ряд общих признаков и способные к размножению только внутри своего вида, что они появились на земле сразу готовыми по желанию божественного «творца». Правда, уже давно при разных раскопках стали находить в земле кости каких-то давно вымерших, как их называют иногда, «допотопных» животных, огромных, со странными формами. Но ученые об'ясняли это так, что на земле, дескать, произошла какая-то катастрофа, вроде потопа или землетрясения, которая уничтожила все эти прежние виды, а потом бог новым «актом творения» создал все теперешние виды, которые уже не могут больше изменяться.

Однако дальнейшее развитие науки опровергло эти наивные, детские взгляды. В частности, геология, или наука о строении и изменениях земного шара доказала, что в течение тех многих миллионов лет, какие существует наша земля, она развивалась медленно и незаметно, без всяких внезапных и всеобщих катастроф. По мере того, как она остывала, в ней появлялась суша, или материки, которые от дальнейшего ссыхания образовывали «морщины», в виде горных цепей, отдельные оседания и землетрясения. Менялся климат, менялись формы рек и морей. Но никогда не было и не могло быть на земле такого «скачка», чтобы внезапно и повсеместно погибли все живые существа.

И вот, уже в начале 19-го века французский ученый и философ Ламарк, а особенно в середине этого века великий английский ученый Дарвин внесли полный переворот в науку о жизни, или биологию тем, что доказали непрерывное изменение и развитие всего органического мира, а Дарвин открыл основной закон этого развития.

Мы не можем здесь, конечно, заняться изложением теории Дарвина: это завело бы нас далеко за пределы не только этой главы, но и всей брошюры. Поэтому нам придется в немногих словах указать лишь на сущность этой теории, которая обосновывает материалистическое об'яснение всей живой природы.

Как произошли все современные виды растений и животных? И почему каждый из них так приспособлен к условиям своей жизни и все свои особенности сохраняет неизменными и никогда не сливается с другими видами?

И на эти вопросы пытался уже дать ответ материализм древности. В философской поэме римского последователя Демокрита и Эпикура— Лукреция Кара— «О природе вещей», высказана следующая простая мысль, намеченная еще греческим философом Эмпедоклом, жившим в 6-м веке до Рождества Христова. Весь разнообразный мир растений и животных отличается такой приспособленностью и устойчивостью своих форм именно потому, что все неприспособленное погибло, не выдержало борьбы за жизнь. В великой мастерской природы из бесчисленных форм и частей материи от их случайного столкновения и соединения делались как-бы самые различные комбинации. Те, которые оказались неудачными, неприспособленными, погибали, а случайно приспособленные выживали и образовывали, таким образом, все те организмы, которые нам известны.

Вот эта простая мысль о выживании наиболее приспособленных форм и легла в основу гениального учения Дарвина «О происхождении видов». В природе происходит вечная борьба за жизнь. Животные и растения размножаются гораздо быстрее, чем средства для их пропитания. Ясно, что при этом огромная масса их должна гибнуть, и гибнут именно те, у которых организм менее приспособлен к борьбе: у которых меньше силы, ловкости, хитрости, у кого нужные органы слабо развиты и т. д. Наоборот, если у какого-либо живого существа даже случайно или же под влиянием окружающих условий, климата, почвы, пищи и т. д. образуется какое-либо отклонение в организме, появится или разовьется новый орган, который окажется полезным, то у такого живого существа будет лишний шанс победить, уцелеть в жизненной борьбе.

При этом те животные и растения, которые погибают преждевременно, не успевают оставить большого потомства. Следовательно, их неудачная, неприспособленная организация не передается по наследству, не сохраняется в потомстве. А те живые существа, которые почему-либо получили полезное изменение в организме, выживут дольше, оставят многочисленное потомство и передадут ему свое приспособление; таким образом это уклонение закрепится в потомстве и образует новую породу, новый «вид».

То, что всякий садовод или птицевод делает искусственно, путем скрещивания таких особей растений или птиц (напр. голубей), у которых «случайно», т.-е. по каким-то неизвестным причинам появилось полезное или красивое отклонение от средней нормы,—то в природе делается само собой, естественно. Путем искусственного отбора, искусственного и последовательного скрещивания тех

пород, которые ему нужны, садовод или птицевод получает иногда в короткое время совершенно новые породы, непохожие на основную породу данного растения или животного. Тот «естественный отбор», который происходит в природе, и который Дарвин и провозгласил основным законом развития живых организмов, длится миллионы лет и, конечно, никакой разумной волей, никакой целесообразностью не руководится.

Так из простейших первоначальных форм жизни на земле развились все ныне существующие виды растений и животных. Те виды, которые при этом оказывались промежуточными, были как-бы «пробой» природы. Большинство из них, неприспособленное к окружающим условиям, к добыванию пищи и борьбе с врагами или уменью убежать и скрыться от них, быстро вымирало, и потому мы так мало находим следов этих исчезнувших видов. Напротив, наиболее приспособленные оказывались поэтому и наиболее устойчивыми и эту свою устойчивость, т.-е. прочность и одинаковость организации передавали по наследству, образуя все те прочные, устойчивые виды, которые уже больше не соединяются между собой.

Правда, эта устойчивость и обособленность видов не так безусловна и повсеместна, как думали раньше. И, если некоторые «помеси», или «гибриды» (как например, помесь лошади и осла, так называемые мулы) неспособны к дальнейшему произведению потомства и не образуют новых видов, то и теперь есть еще много таких видов (особенно среди растений и низших животных), которые способны путем скрещения образовывать резко уклоняющиеся формы, совершенно новые виды. В огромном и разнообразном мире живой природы процесс развития, эволюции, совершенствования, под влиянием тех незаметных, но могучих естественных, материальных причин, которые закрепляются «естественным отбором»—этот процесс продолжается непрерывно *).

В одну из эпох этого процесса развития, не меньше полумиллиона, а то и миллиона лет тому назад, из группы, или, как говорят в зоологии (науке о животных), из «семейства» «приматов», т.-е. высших животных, к которым принадлежат и обезьяны,—выделился особый вид животных, предки человека. Если в обычном языке часто говорят, что «человек произошел от обезьяны», то это неверно. И человек и обезьяна произошли от общего предка; они, следовательно, в родстве между собою. Но это как бы родство двоюродных братьев.

От древнейших человекоподобных предков отделилась одна ветвь, высшие породы обезьян (как орангутанг, горилла, шимпанзе), больше всего по своим умственным способностям приближающиеся к человеку, и другая ветвь, которая стала ходить только на задних конечностях. Благодаря этому стоячему, прямому положению, нашим предкам удалось, во-первых, развить грудь, легкие и голос, удалось научиться говорить; а, во-вторых, освобожденные передние конечности, руки, научились изготовлять орудия. Человек сделался животным, изготовляющим орудия. С этого момента человек выде-

---

*) Прекрасное изложение теории Дарвина см. в статье Писарева „Прогресс в мире растений и животных“.

лился из мира животных и начал собою эпоху человеческой культуры.

Но и в этот новейший период, подчиняясь особым историческим законам, законам развития человеческого общества, о которых мы будем говорить в следующей главе, человек все-же не перестает быть животным, только с наивысшей, наиболее тонкой организацией нервной системы и мозга. И, в качестве животного, человек вместе с своим разумом является лишь частью общей природы и подчиняется всем ее законам.

От простейшего, бесформенного комка живой материи до человека,— вот путь, пройденный историей жизни на земле и охватываемый великим учением Дарвина. Но в последнее время наука все более и более приходит к той мысли, что дарвинизм, как учение о законах развития природы, является учением еще более широким, более всеоб'емлющим, что оно дает ключ к пониманию всей истории мироздания и может быть названо общей теорией развития материи.

В самом деле, не являются ли такие законченные, устойчивые комбинации небесных тел, как наша солнечная система, лишь наиболее «удавшимся», наиболее «приспособленным» случаем из того бесчисленного количества разнообразных «проб», которые происходили и происходят во вселенной и разрушаются, распадаются, не успев принять сколько-нибудь законченный вид?

Да и сама материя, которую долго считали разделенной на резко обособленные, неизменные, вечные «элементы», или простые тела (железо, золото, кислород, воздух, углерод и т. д., всего около 70), эта материя оказывается вовсе не такой уже устойчивой и неизменной. Подобно неустановившимся видам растений и животных, легко дающим новые ответвления, или «разновидности», есть и элементы, вещества (так-называемые «радиоактивные»), которые путем расщепления атомов образуют новые вещества. Так, из радия получается гелий. И, может-быть, все известные нам простые тела вовсе не существуют вечно, а образовались из наиболее легких и тонких элементов (как водород и гелий) после бесконечного ряда непрочных, хрупких образований и комбинаций, пока, наконец, «естественный отбор» веществ, сохранение наиболее «приспособленных», т.-е. именно наиболее устойчивых и прочных из них не привели к известным нам теперь «элементам».

Недаром, по мнению некоторых ученых, «в самых ранних туманностях*), т.-е. в самой первой стадии материи, о какой мы только можем знать в настоящее время, существует только четыре элемента: два из них пока совершенно неизвестны на земле, и затем—водород и гелий. Из четырех элементов образовались все другие элементы»**), подобно тому, прибавим мы от себя, как из первичных форм живой материи образовались все виды растительного и животного царства.

---

*) Т.-е. в тех небесных туманных массах разреженной материи, из которых путем сгущения произошли разные миры.

**) Дж. Мартин. „Чудеса и завоевания современной химии“, стр. 34—35.

Одним из важнейших орудий в той непрерывной борьбе за жизнь, которая происходит в мире животных, и притом орудием, которое, как и все другие, тоже постоянно совершенствуется «естественным отбором», являются все виды, формы и степени «сознания», т.-е. душевной, психической деятельности. Хитрость обезьяны, лисицы, тигра, кошки—это такие же орудия борьбы, как ловкость и цепкость их лап, крепость зубов и когтей. Наивысшего развития достигает «сознание» у человека, и у него оно служит главным, если не единственным оружием, ибо тело его вооружено гораздо хуже, чем у тех животных, с которыми ему приходится бороться. Он не так быстро бегает, у него нет рогов и слабые зубы, руки и ногти.

Но в то время, как у человека и отчасти самых высших животных (как обезьяна, слон, собака и др.) в психической деятельности преобладают именно элементы сознательности, т.-е. сообразительности, разумного выбора и применения к обстоятельствам, «сознание» огромного большинства животных носит именно бессознательный характер темного, слепого инстинкта, которому животное подчиняется безотчетно, не раздумывая.

Когда пчела строит соты из воска, действуя так, как самый лучший архитектор, и приобретая это уменье сразу после рождения,— это—инстинкт. Когда паук ткет искусно свою паутину, как будущую западню для мух, он это делает инстинктивно, не учась и не раздумывая, просто потому, что по наследству, вместе с чувством голода и стремлением к размножению, приобрел и уменье добывать себе пищу при помощи искусной охоты на мух. Особенно резко и наглядно этот слепой характер инстинкта обнаруживается у гусениц и бабочек. Как известно, гусеница, раньше чем превратиться в бабочку, предварительно строит сложное сооружение, куколку. Затем сама она, как гусеница, умирает, и лишь после того из нее выходит бабочка, которая разрывает приготовленный для нее домик, куколку, и вылетает.

Таким образом, гусеница работает усердно и искусно для будущего существа, которое совершенно на нее не похоже, которого она никогда не увидит. Ясно, что здесь мы имеем дело с бессознательным инстинктом, выработанным бесконечно долгим периодом выживания случайно наиболее приспособленных и естественного отбора.

Много инстинктивного, бессознательного осталось и в психической жизни человека. Когда ребенок тянется к свету или сразу уверенно находит грудь матери; когда мы вздрагиваем от внезапного стука, когда мы, наконец, сжимаем кулаки от злобы,—все это—безотчетные, непроизвольные, т.-е. бессознательные или полусознательные действия, сопровождающие то внутреннее, «душевное» состояние, которое и называется инстинктом.

Инстинкты, как и многие способности, как черты характера (напр., вспыльчивость или хладнокровие, тупость или талантливость), передаются по наследству, как и физические свойства: рост, цвет волос, черты лица и т. п. Следовательно, человеческая «душа» при рождении вовсе уже не такая «гладкая доска» (как это думали многие материалисты XVIII века), на которой воспитание и впечатления жизни могут нарисовать любые узоры. И не так уже неправы были те

«идеалисты», сторонники Декарта, которые говорили о «врожденных идеях». У нас нет, конечно, врожденных идей, т.-е. готовых мыслей и понятий, но у нас много врожденных инстинктов, способностей, свойств характера, вообще психических особенностей.

Но эти данные новейшей науки не только не подрывают правильности материалистического миросозерцания, а, наоборот, являются неизбежным следствием и выводом правильно понятого материализма.

Ибо, что такое «сознание», или психическая деятельность? Мы уже знаем, что это особое свойство организованной или живой материи, а, может-быть, и всякой материи, такое же последнее и необ'яснимое свойство, как и движение. Как не бывает материи, вещества, без движения, так не бывает во всяком случае живой, т.-е. рождающейся, питающейся и размножающейся материи без каких-либо, хотя бы самых слабых самых бессознательных признаков внутренней, психической деятельности. И поэтому, если в зародыше, в яйце, из которого выходит и развивается живой организм, заключаются именно в зародышевом состоянии, в зачатке все будущие формы и свойства этого организма, такие же, как и у родителей, то в этом же зародыше наперед заключаются и важнейшие его психические свойства, как инстинкты, способности и т. п.

Неразрывная связь и даже единство физических и психических, материальных и духовных явлений (подобно единству материи и движения) подтверждается новейшими данными физиологии нервной системы. Вполне доказано, что отдельные участки мозга как бы «заведуют» отдельными видами умственной деятельности человека. Если вырезать определенную часть мозга у живого человека, он потеряет способность говорить или писать; при потере другой части он лишится аппетита и т. п. В клеточках или частицах нашего мозга совершается множество и таких процессов, т.-е. движений и изменений, которые, как говорят, находятся «за порогом сознания», т.-е. которых мы не воспринимаем сознательно, не «сознаем». Но эти процессы не проходят бесследно. Под влиянием какого-нибудь внешнего или внутреннего толчка, как мы уже говорили, скрытая в мозгу внутренняя энергия вдруг «разряжается», проявляется открыто, и тогда мы говорим, что такой-то факт, имя, воспоминание вдруг «всплыли» в нашей памяти и появились из «глубины нашего сознания» и т. д.

Всякий может припомнить множество случаев, когда он, например, что-нибудь слушал невнимательно и как-будто не слышал или забыл. Но потом оказывается, что слышанное не исчезло совсем, а только словно «притаилось» в определенных внутренних движениях мозговых частиц и при случае вдруг «вспоминается», проявляется наружу. То же происходит и во сне, когда разумная, сознательная деятельность мозга прекращается и все, что дремало «за порогом сознания», старые впечатления, казалось, давно забытые, в хаотическом беспорядке выплывает и образует самые причудливые сочетания. Это значит, когда сон недостаточно глубок, чтобы вся деятельность мозга затихала, когда отсутствует только контроль высших форм разума, заглушающих обыкновенно всю «бессознательную» работу мозга, эта именно

работа, подобна нестройному оркестру, не управляемому дирижером, где каждый играет, что ему вздумается, и сказывается в наших сновидениях.

Но психическая деятельность свойственна не только частицам мозга. В более бессознательном виде она проявляется и во всей нервной системе, особенно в спинном мозгу. Если у обезглавленной лягушки, которая еще живет (т.-е. у нее еще бьется сердце и сокращаются мускулы), капнуть на спину соляной кислоты, то она потирает лапкой обожженное кислотой место, так, как бы она это делала и в нормальном состоянии.

Чувствует ли при этом лягушка боль, или она это делает совершенно бессознательно, мы не знаем, как не знаем мы и того, каковы вообще чувства у низших животных. В самом деле, если мы будем наблюдать жизнь самых низших и простейших животных, у которых еще нет никаких нервов, напр., инфузорий, которые так малы, что их можно видеть только через сильно увеличивающий микроскоп, то мы убедимся в следующем: в капле воды этих микроскопических живых организмов—целые тысячи; они находятся в непрерывном движении, охотятся друг за другом, пожирают добычу; самцы гонятся за самками и, сливаясь с ними, оплодотворяют их и получают способность к дальнейшему произведению потомства. Их действия кажутся нам иногда вполне целесообразными, как бы «разумными». Но само собой понятно, что ни о каком «разуме», ни о какой даже действительной «сознательности» здесь не может быть и речи, как не может быть об этом речи и у растений. И здесь, так же, как и у животных, происходит процесс оплодотворения, и здесь «мужское» семя как бы ищет соединиться с «женскими» органами растения для произведения потомства. И у растений мы наблюдаем, напр., такое явление, как цветок подсолнечника непрерывно целый день поворачивается за солнцем, как бы «стремится» к солнечному свету; или как листья особого растения, известного под названием «мухоловки», сжимаются, как только муха сядет на клейкий лист, от которого она не может оторваться; и лишь после того, как погибшая муха сгниет и соки ее будут поглощены растением, лист снова «разжимается». Все эти действия мы можем об'яснить чисто материальными, чисто физическими причинами. Но несомненно, что все они в то же время сопровождаются каким-то смутным внутренним состоянием, которое мы можем назвать «чувством» или «сознанием» в зародыше.

Следовательно, сознательная психическая деятельность, как, напр., человеческий разум или умственные способности высших животных, не возникают сразу в готовом виде, а развиваются медленно, в течение миллионов лет, путем упражнения и естественного отбора, из низших форм бессознательной или полусознательной нервной деятельности или из еще более темного, смутного внутреннего состояния простейших первичных животных. И, как мы уже знаем, многие философы-материалисты полагают, что нет такого момента в развитии природы, когда бы «вдруг» возникало «сознание», что в самом простом, неопределенном виде оно присуще всякой материи. С этой точки зрения все физические и химические процессы природы, все виды притяжения и

отталкивания частиц или больших масс материи сопровождаются каким-то внутренним состоянием этой материи. И если, напр., мы наблюдаем, что кусочек легкого металла натрия, опущенный в соляную кислоту (химическое соединение водорода и хлора), «вытесняет», «выталкивает» водород, который «улетучивается», а сам с «жадностью» соединяется с хлором, образуя совершенно новое сложное вещество, поваренную соль, то не сопровождается ли весь этот процесс каким-то внутренним состоянием, бесконечно далеким от нас, но все-же смутно напоминающим нашу любов и ненависть, наши стремления и борьбу, особенно свойственную всем животным борьбу самцов за обладание самкой?

На эти вопросы наука не дает прямого ответа. Они остаются простыми гипотезами или даже только фантазиями, хотя и не противоречат науке.

Но из сделанного нами краткого и беглого обзора всех естественных наук (физики, химии, астрономии и геологии, общей биологии, а также физиологии и психологии) с несомненностью вытекает ответ на другой вопрос: согласуется ли материалистическая философия с современным естествознанием?

Мы видели, что не только вполне согласуется, но что все данные и выводы научных исследований вполне подтверждают полную правильность и истинность материалистического миропонимания. Мы видели, что, с точки зрения современной науки, вся природа материальна и едина, и в ней действуют повсюду одни и те же неизменные законы; что никакого особого «духа», независимого от материи, и никакой «души», имеющей отдельное от тела существование, нет и быть не может; что никакого «бога» для об'яснения всех «чудес» мира не требуется; и что, наконец, действия простых законов вещества (главным образом, закона сохранения материи и энергии и закона выживания или сохранения наиболее приспособленных форм) вполне достаточно, чтобы об'яснить развитие, эволюцию материи в течение бесконечного пространства веков, от ее простейшего, первичного состояния в туманных небесных массах до всего разнообразия вселенной, до бесчисленных миров, с их солнцами и планетами, и до человека с его разумом и самой наукой.

Но при этом возникает новый вопрос: а достоверна ли сама наука? соответствуют ли наши научные познания о мире, о природе и ее законах тому, что существует в действительности? На этот вопрос единственно возможным и единственно правильным остается тот ответ, который, как мы уже знаем, дал основатель научного социализма Карл Маркс еще в 1845 г.: истинность наших представлений о мире может быть подтверждена или опровергнута только практикой, только самой жизнью. Если наши предсказания оправдаются, если наше понимание законов природы помогает нам овладеть ее тайнами и заставить ее служить нам, если мы перестаем быть только случайными жертвами или игрушками слепых сил природы, а становимся сами, пользуясь нашими сведениями об этих силах, сознательными творцами,—значит, наше понимание

правильно, наши научные познания истинны, соответствуют действительности. В противном случае мы убеждаемся, что пошли по ложному пути, и отбрасываем неверные, не оправдавшиеся на опыте и практике взгляды и понятия и ищем новых, более правильных.

Таким образом, для материалистической философии не существует истин вечных и «абсолютных» (т.-е. безусловных, независимых ни от каких обстоятельств). Научные истины, сама наука во всей ее сложности есть лишь форма нашего приспособления к окружающей жизни, орудие борьбы с природой и несовершенствами общественного строя.

Наука возникает и развивается в результате наших житейских, материальных потребностей, в результате нашей практики; и эта же практика, этот же жизненный опыт служит той последней инстанцией, которая решает правильность наших научных построений. В науке, как и в жизни, как и во всей живой и мертвой природе, действует все тот же великий закон Дарвина: все неприспособленное, все, противоречащее опыту и практике, отмирает; все приспособленное, все совпадающее с опытом, выживает и сохраняется. Этот «естественный отбор» научных понятий, представлений и законов приводит к тому, что, хотя вечных и абсолютных истин нет, но наука все более совершенствуется, все более приближается к истине, к действительному познанию мира, и человек, благодаря этому, все более становится из раба природы ее господином.

V.

Материалистическое понимание истории.

Мы уже знаем, что великие философы-материалисты XVIII века, представители революционной французской буржуазии, заложившие прочные основы материалистического миросозерцания, оказывались крайне непоследовательными, исповедывали прямой идеализм, как только дело касалось не природы, а истории человечества, законов, управляющих жизнью и развитием человеческих обществ. По отношению к людям им казалось, что «идеи правят миром». Они так были ослеплены успехами «разума», в борьбе с невежеством и предрассудками и в постижении законов природы, что, хотя самый этот «разум» об'ясняли материалистически, но приписывали ему способность управлять человеческим обществом, развивать его в ту или иную сторону сообразно своему желанию.

Нужна была Великая французская революция с ее разочарованиями; нужно было многократное посрамление этого «разума» и его «идей» в борьбе с какими-то непреодолимыми, стихийными общественными силами, которые направляют ход общественной жизни вовсе не туда, куда хотелось бы «разуму» и «идеям» просвещенных мыслителей и философов; нужен был весь этот огромный исторический опыт, чтобы и в области человеческой истории, в этом кажущемся хаосе сменяющих друг-друга событий и фактов, в этой вечной борьбе стал-

живающихся интересов поискать собственных, внутренних законов, не зависящих от воли и разума отдельных людей.

Эту великую задачу—применить материалистическое понимание также и к истории человечества—разрешил Карл Маркс, теоретик, идейный руководитель и вождь нового подымающегося класса—пролетариата.

В развитии новейшего научного миропонимания имя Маркса стоит рядом с двумя другими знаменитыми именами,—Коперника и Дарвина. Один из этих революционеров в науке установил правильное положение нашей земли в небесном пространстве и тем положил начало научному, материалистическому пониманию законов вселенной; другой открыл главный закон развития всей жизни, всего органического мира; Маркс же дал нам ключ к пониманию всего развития человечества. Он сделал впервые историю настоящей наукой, где все важнейшие события связаны строгой закономерностью и об'ясняются с одной, материалистической точки зрения, где становятся поэтому возможны, как и в других областях науки, научные предсказания, предвидение будущего.

По странному совпадению, книга Маркса—«Критика политической экономии»—где в предисловии в сжатой форме изложены основные мысли марксовского исторического материализма,—эта книга появилась в том же 1859 г., когда вышло и главное сочинение Дарвина «Происхождение видов». Это случайное совпадение как бы подчеркивает огромную революционную роль, которую сыграли оба учения Дарвина и Маркса, тот глубокий переворот, который они произвели в наших взглядах на мир и на человеческую жизнь.

Сущность исторического материализма, которую мы, разумеется, можем изложить лишь в самых общих и беглых чертах*), сводится к следующему.

Мы видели, что человек выделяется из всего животного мира и начинает свою собственную, человеческую историю с того момента, как он научается приготовлять орудия. Орудиями при добывании пищи и борьбе с врагами пользуются и некоторые другие высшие животные. Так, обезьяны бросают камни и ветви деревьев в своих врагов, разбивают камнями скорлупу орехов. Но они употребляют готовые орудия, не изменяя и не приспособляя их. Единственным животным, которое умеет делать орудия, является человек, и потому, если у всех животных прогресс их вида выражается в усовершенствовании их естественных, природных орудий борьбы (зубов, рогов, когтей, ног и т. п.), то у человека с самых ранних эпох человеческой истории прогрессируют, развиваются, совершенствуются не органы его тела, а изготовляемые, изобретаемые им орудия. Орудия становятся как бы искусственными придатками его рук, посредниками между человеком и остальной природой. На место чисто звериной борьбы становится борьба при помощи культуры, т.-е.

*) Книги, которые подробно излагают это учение, указаны в конце настоящей брошюры.

обработки окружающей природы, приспособления внешних условий к нуждам и потребностям человека.

Человек, в отличие от других животных, не только потребляет, не только берет готовые продукты природы (например, плоды растений, сырое мясо животных и т. п.); он начинает производить, т.-е. материал, находимый в природе, видоизменять с целью придать ему более пригодный для потребления вид, или же искусственно увеличивать его. Человек начинает сам сажать или сеять нужные ему растения и перерабатывать их плоды, разводить нужных ему животных, из растительных волокон делать ткани, вырубать пещеры для жилья, а потом также делать шалаши из деревьев или звериных шкур.

Умение изготовлять орудия и с их помощью производить, заниматься производством, создает у человечества известный запас производительных сил, прежде всего материальных, т.-е. орудий и способов производства, а затем и духовных: уменья, сноровки, опыта, технических навыков. Эти производительные силы, или «техника», и составляют главную основу человеческой культуры, т.-е. всего, что отличает человека от других животных, что создано человеком в борьбе с природой и для улучшения, усовершенствования, облагорожения своей жизни.

Следовательно, развитие производительных сил есть, как говорят, главный «фактор», т.-е. главная пружина, главная действующая сила человеческой истории. Это—первое положение исторического материализма.

Само собой понятно при этом, что на развитие производительных сил и, следовательно, на всю культуру отдельных частей человечества огромное влияние имеет и окружающая природа, или, как сказал Маркс, изменяя природу вокруг себя, человек в то же время меняет и свою собственную природу.

Так, давно уже известно, что, попадая в определенную «географическую среду», т.-е. в определенные условия жизни земного шара, человек вынужден приспособлять к ним и свой организм, и свой образ жизни, и свой общественный быт. В жарком климате от действия солнечных лучей темнеет и даже чернеет кожа человека. Отсюда между прочим различия человеческих рас, т.-е. главных ветвей человеческого рода, в цвете их кожи. Далее, климат могущественно влияет на развитие, формы и высоту человеческой культуры. В жарком климате, где природа в изобилии дает человеку все, что ему необходимо для жизни, у него нет побудительных причин к усиленному труду и к развитию своих производительных сил. В очень холодном климате, на дальнем севере, природа так скупа и скудна, что простое сохранение жизни требует от человека неимоверных усилий, и у него не остается ни времени, ни возможности, ни средств увеличить свои производительные силы, сделать свою жизнь богаче и разнообразнее. Поэтому мы не находим богатой культуры ни в очень жарких, ни в очень холодных стрнаах. Вся мощь человеческой цивилизации, все богатство производительных сил развились именно в умеренном климате, где природа не настолько богата и щедра, чтобы человек мог обходиться без усиленного труда и изобретательности, но

где в то же время этот труд не пропадает даром, а дает огромные результаты.

Устройство земной поверхности, горы или равнины, обилие рек, изрезанные морские берега,—все это также определяет развитие человеческой культуры. На больших равнинах, по течениям рек, этих первых естественных путей сообщения, создаются первые большие монархии. В горных долинах образуются маленькие республики. В приморских странах, особенно с извилистыми берегами, где много воды, и она служит удобным средством передвижения, раньше развивается мореплавание, торговля с другими странами. Следовательно, там растут богатства, разнообразие жизни, расширяется умственный кругозор жителей, быстрее развивается материальная и духовная культура. Такова древняя Греция, а в новое время Голландия и Англия. Наоборот, на больших равнинах, удаленных от морей, как старая Россия или Китай, жизнь течет монотонно, однообразно, из века в век в одних и тех же формах. Там производительные силы, значит, и вся культура, вся история развиваются медленно, там царит з а с т о й.

Наконец, свойства почвы и богатств, хранящихся в недрах земли, тоже влияют на способы производства и формы культуры: на преобладание скотоводства, земледелия или обрабатывающей промышленности.

Таким образом, развитие человеческой культуры, особенно направление и быстрота этого развития с самого начала определяется независимыми от человека в н е ш н и м и м а т е р и а л ь н ы м и с и л а м и, природными условиями, географической средой, в которой он начинает свое развитие. Но раз это развитие началось в определенном направлении, оно в дальнейшем происходит уже под влиянием собственных внутренних причин, из которых первое место занимает, как мы уже видели, состояние производительных сил данного человеческого общества. И чем дальше стоит человек на пути своего развития, чем больше развиты его производительные силы, его власть над природой, тем меньше зависит он от этой природы, от географической среды. Современный цивилизованный европеец или американец может приспособиться к любому климату и любым природным условиям,—вернее, приспособить их к себе; во все уголки земного шара он переносит свою высокую технику, свои формы производства.

Чем же определяется развитие производительных сил? И как влияет оно на ход человеческой истории, на развитие разных форм общественной жизни?

Первым толчком, который вызывает изменение и совершенствование способов производства в данном человеческом обществе, является р о с т н а с е л е н и я. Когда число людей, населяющих какую-либо территорию и ведущих определенный образ жизни, начинает быстро увеличиваться, у них появляется недостаток в необходимых предметах потребления. Этот недостаток, эта «теснота» побуждает их или переселяться частично в другие места, основывать «колонии», или, если это невозможно, у с и л и в а т ь п р о и з в о д и т е л ь н о с т ь с в о е г о т р у д а, добывать, оставаясь на месте, больше продуктов. А это в свою очередь ведет к необходимости переходить к новым формам и способам производства, искать новых источников средств существования, изменять и

улучшать прежние орудия труда, самый труд организовывать более целесообразно, так, чтобы он давал больше результатов,—словом, так или иначе **увеличивать производительные силы** данного рода, племени, нации.

Разумеется, на ранних ступенях человеческой истории такие перемены, такой рост производительных сил происходит незаметно, в течение целых тысячелетий, путем накопления опыта и мелких изменений, незначительных отклонений от старых, заведенных порядков. И лишь изредка, время от времени, такие огромной важности события, как первое изобретение способа добывать огонь, или как первое крупное разделение труда между людьми, сильно увеличивающее его производительность,—такие события являются целыми революциями в деле развития производительных сил, могучими толчками прогресса в истории человеческой культуры.

Но каждое данное поколение, вступая в жизнь, находит уже готовые формы производства и принимает их, как внешний факт, как силу природы, к которой необходимо приспособляться. При этом в той борьбе за свое материальное существование, которую ведут люди, они сталкиваются с другими людьми, или, как говорит Маркс в упомянутом выше предисловии, «вступают в определенные, неизбежные, от их воли не зависящие отношения,—производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил».

Что это значит? Это значит, что данное состояние производительных сил, данный способ производства неизбежно создает между людьми, участвующими в этом производстве, вполне определенные отношения, которые не зависят от воли и сознания каждого отдельного человека, которые изменить он не в силах и потому покорно подчиняется им, как законам природы.

Поясним это положение исторического материализма несколькими примерами.

Главные этапы в развитии производительных сил человечества следующие: звероловство или же собирание плодов дико растущих растений, затем кочевое скотоводство, далее земледелие, связанное с оседлой жизнью, и, наконец, разные виды и степени обрабатывающей промышленности от ремесла до современного крупного машинного производства, с применением силы пара и электричества*).

И каждому из этих этапов соответствуют особые производственные отношения между людьми, особые формы их взаимной связи и зависимости,—словом, особые условия **общественной жизни**. Так, при первобытном охотничьем строе данный род, т.-е. большая, разветвленная семья, добывает себе средства к жизни только сообща и сообща делится своей добычей, так как никто не может сказать, что именно он убил зверя: добыча является продуктом совместного, коллективного труда.

Отношения между людьми при таком строе—братские к своим, резко враждебные ко всем чужим, к другому роду или племени, кото-

*) Не всегда, впрочем, земледелие следует за скотоводством: иногда, под влиянием местных географических условий, скотоводство развивается после земледелия.

рое является конкурентом на охоте. Это—первобытный коммунизм, при котором нет ни частной собственности, ни деления на классы, на богатых и бедных.

Когда охота не может уже прокормить данное племя, дичи в лесах становится мало, совершается переход к скотоводству. Люди приручают определенных животных, чтобы питаться их молоком и мясом, одеваться их шкурами; они кочуют со своими стадами, т.-е. переходят с места на место в поисках новых пастбищ. Труд при скотоводстве гораздо производительнее, чем при охоте, и не требует массовой коллективной работы. Поэтому появляется частная собственность, так как каждый знает принадлежащее ему стадо. Вместе с тем человек начинает вырабатывать больше, чем ему самому нужно для жизни. Возникает рабство, так как взятого в плен врага, которого раньше убивали, становится выгоднее заставить работать на все племя или на отдельного хозяина.

Еще больше развиваются эти отношения при переходе от скотоводства к земледелию, когда за отсутствием свободных пастбищ люди должны осесть на месте и вкладывать свой труд в обработку земли для получения питательных растений. Частная собственность и рабство все больше развиваются. Большой род распадается на маленькие семьи, обрабатывающие каждая свой участок земли. Появляются резкие различия богатых и бедных, эксплуататоров и эксплуатируемых; начинается их борьба, борьба классов. Возникает государство, как организация классового господства, а также первые писанные законы, ограждающие права богатых против бедных.

Одним формам земледельческого хозяйства свойственно рабство и большие деспотические государства, как древние азиатские монархии. При других развивается смягченная форма рабства—крепостное право, а вместе с ним иногда, раздробление государств на ряд мелких владений, подчиненных одно другому (феодализм).

Наконец, уничтожение натурального хозяйства, когда каждая семья своим трудом добывала себе все необходимое для жизни, широкое развитие торговли, а особенно обрабатывающей промышленности, резко изменяет и производственные отношения между людьми: отношения помещика к крепостному или свободного ремесленника к купцу заменяются отношениями наемного труда к капиталу, «свободного», но голодного рабочего-пролетария к фабриканту-хозяину. Появляются новые классы—буржуазия и пролетариат, и вместе с тем происходит резкий перелом во всей государственной и общественной жизни.

Так состояние «материальных производительных сил» прежде всего определяет взаимные отношения людей в их борьбе за материальное благополучие, т.-е. в их хозяйственной, экономической деятельности. Эти отношения не зависят от воли людей потому, что каждый человек находит эти отношения уже готовыми, сложившимися. Сын крепостного крестьянина сам становится крепостным. В капиталистическом обществе человек, не имеющий собственности, чтобы прожить, вынужден итти в наемные рабочие, т.-е. вынужден признать те

отношения, подчинение рабочих капиталу, работу на хозяина, которые не им созданы и не от него зависят.

Взаимные отношения людей в процессе производства и составляют экономическое основание, экономическую «структуру», т.-е. строение общества, его ткань, то, что Маркс называет его «анатомией», т.-е. устройством его тела.

На этом экономическом основании возвышаются все «надстройки» общества: государственный строй, законодательство, нравственные понятия, научные и философские идеи. Каждой ступени развития производительных сил общества соответствует определенная экономическая организация, от которой в свою очередь зависит политический и правовой строй, а также «идеология» данного общества, т.-е. сумма его идей и понятий. Подобно тому, как по найденной в земле кости животного давно вымершего вида можно определить и форму, и размеры, и образ жизни этого животного, равно как и эпоху, когда оно жило,— так по найденному орудию древнего человека можно воссоздать экономический строй и другие формы жизни той эпохи и местности.

Самым трудным и сложным вопросом материалистической философии вообще является, как мы знаем, вопрос о происхождении и роли сознания. Точно так же самой сложной частью исторического материализма оказывается происхождение и значение «идей» в общественной жизни. В противоположность старым материалистам, которые думали, что «идеи правят миром», Маркс выдвинул обратное положение, что сами «идеи» являются продуктом общественной жизни, отражением в нашей голове существующих общественных отношений: «Не сознание людей», говорит Маркс, «определяет формы их бытия, но напротив, общественное бытие определяет формы их сознания».

В самом деле, одни обычаи, одни нравственные понятия, т.-е. понятия о том, что хорошо, и что дурно, существуют в первобытном коммунистическом обществе, в обществе дикарей-охотников, и совсем другие среди мелких собственников-крестьян или в развитом буржуазном обществе: люди разных общественных организаций не могут понять друг друга, говорят как-бы на разных языках.

Но в государстве, разделенном на резко обособленные классы, враждебные между собой, борьба классов, которая вообще является главной движущей силой в истории с тех пор, как появилось неравенство,—эта борьба классов создает еще особую классовую психологию, т.-е. способность все воспринимать и обо всем думать с точки зрения своего класса.

Представитель правящей буржуазии совсем иначе смотрит на мир и на все вопросы жизни, чем обездоленный и эксплуатируемый пролетарий или чем мелкий буржуа, который колеблется между двумя главными классами. Принадлежность к определенному классу накладывает особую печать на все мышление человека, которое обыкновенно не может выйти за пределы своего класса.

Таким образом в современном обществе не только политический строй и законодательство, но и самые идеи, и не только идеи нравст-

венные и религиозные, но даже многие научные приобретают классовый характер, являются орудием борьбы и господства данного класса. Попы, ученые и философы правящих классов иногда не только за страх, но и за совесть, искренно доказывают, что привилегированные имеют право на эксплуатацию, что бедняки должны быть довольны своей участью или ждать себе награды на небесах.

А когда буржуазия во всем мире была еще революционной, когда она боролась с дворянством, духовенством и самодержавной королевской властью, ее идейные представители, идеологи искренно думали, что борются за всеобщую свободу и равенство. На самом же деле они боролись лишь за свободу капитала, и за «равенство» голодного рабочего с богатым хозяином, что они показали тотчас же, еще во-время борьбы, когда бедняки попробовали понять свободу и равенство посвоему...

Но если формы государства, законодательство, все формы «идеологии» (религия, философия, наука, искусство) являются продуктом и отражением общественной жизни, борьбы классов, которая в свою очередь вызывается экономическим строем данного общества и в конечном счете развитием производительных сил, то спрашивается, играют ли они сами какую-либо роль в этой общественной жизни. Может ли данный политический строй повлиять на изменение экономических отношений, например, может ли захват власти пролетариатом заменить буржуазные экономические порядки порядками социалистическими? Далее, могут ли сами идеи, хотя и возникшие в результате определенных отношений, быть все же движущей силой? Является ли, например, такой силой **идея социализма**? И, наконец, какова «роль личности в истории»? Может ли отдельный человек, хотя бы талантливый и даже гениальный, изменить ход истории, или это так же невозможно, как невозможно изменить законы природы?

Для того, чтобы ответить на все эти вопросы, нужно вспомнить, как обыкновенно совершаются общественные преобразования. Внутри старого общества, с его экономическими отношениями и политическим строем, с его правовыми, моральными и религиозными или научными понятиями развиваются новые производительные силы, которые вызывают необходимость в перестройке всего здания, ибо в прежнем здании им становится тесно. Так, например, внутри феодального общества с его господством дворянства и духовенства, с его цеховой организацией ремесла,—развилась торговля и промышленность, созрел капиталистический строй. Старое общество оказалось неприспособленным к новым формам производства, стесняло их развитие. Тогда новый прогрессивный класс, буржуазия, выдвинул новые идеи, идеи политической и религиозной свободы, уничтожения сословных привиллегий, свободы торговли и промышленности. Эти идеи сыграли огромную роль в разрушении старого режима, в развенчании всех прежних авторитетов. Они помогли буржуазии совершить революцию и создать новый политический и правовой строй, строй буржуазный, который соответствовал новой ступени развития производительных сил.

Следовательно, политические формы являются силой **реакционной**, когда они задерживают экономическое развитие и, наоборот, силой

прогрессивной, когда они этому развитию содействуют. Но, являясь прогрессивными в одну эпоху, они, в свою очередь, сами становятся реакционными, когда внутри общества созревает новый переворот. Так политические формы господства буржуазии, до буржуазной республики включительно, могут стать реакционными, когда в рамках капиталистического строя созревают новые формы производства—социалистические и выдвигается новый прогрессивный класс,—наследник буржуазии,—пролетариат.

То же происходит и с идеями. Если идея выражает собою потребности нового развивающегося класса и соответствует данному состоянию производительных сил, то она является могучей движущей силой. Такова была в 18-м веке идея свободы, такова теперь идея социализма. Наоборот, если идея, какой бы благородной она ни казалась, стремится повернуть назад колесо истории, раскрашивает старые порядки и отношения, она является реакционной и в то же время утопической. Утопической, т.-е. фантастичной, неосуществимой бывает идея и тогда, когда она слишком о п е р е ж а е т развитие производительных сил, когда она стремится воплотить в жизнь такие формы и отношения, которым развитие общества еще далеко не соответствует, которых нет еще в зародыше. Такова была идея социализма в начале 19-го века.

Словом, как говорит Маркс: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем развиваются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются на свет раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может решить, так как, при ближайшем рассмотрении, всегда окажется, что сама задача только тогда выдвигается, когда существуют уже материальные условия, необходимые для ее разрешения или когда они, по крайней мере, находятся в процессе возникновения».

После этих слов Маркса легко будет ответить и на вопрос о роли личности в истории. Если сильная личность берется за осуществление таких задач, которые вытекают из самого хода истории, соответствуют развитию производительных сил и экономических отношений, ее деятельность может быть плодотворной, может оставить положительный след в истории. Но в таком случае эта личность является не столько творцом, сколько о р у д и е м исторического прогресса. Наоборот, отрицательный след оставляют в истории те, кто упорно борется против новых, развивающихся сил. Наконец, те, которые пытаются изменить законы истории и берут на себя непосильные задачи, совершенно не вытекающие из данных экономических условий,—являются Д о н-К и х о т а м и истории, смешными рыцарями, которые борются с ветряными мельницами.

Противники исторического материализма, или марксизма говорят иногда, что он [illegible]вращается в ф а т а л и з м, т.-е. в слепое подчинение каким-то р[illegible]вым, неизбежным силам истории, не зависящим от воли и сознания человека. А если, говорят далее эти критики, марксизм зовет своих последователей к действию, к борьбе, то это непо-

следовательно, ибо противоречит марксистской теории, согласно которой личность сама—лишь продукт истории, лишь игрушка слепых исторических сил.

Так говорить—значит, совершенно не понимать исторического материализма. Конечно, человек есть продукт истории. Все его взгляды, понятия, стремления и даже мечты обусловлены той средой, из которой он вышел, отражают те экономические, классовые отношения, в которых он воспитался, те впечатления, которые он получил с детства. Но в то же время история не есть какой-то посторонний, чуждый людям процесс. Она делается людьми. Из их сталкивающихся, перекрещивающихся интересов, стремлений и воль, из их взаимной борьбы и получается та равнодействующая линия, по которой, как говорят, «идет», «движется» история.

Правда, в этой борьбе интересов, в этом столкновении отдельных воль, т.-е. стремлений и желаний отдельная личность почти всегда бессильна изменить эту равнодействующую, этот «ход истории». Те цели, которые ставит себе отдельный человек, обыкновенно отметаются жизнью, которая идет своим путем, как стихийный, природный процесс, именно потому, что она составляется из столкновения бесчисленных отдельных эгоизмов, преследующих каждый лишь свои интересы и цели.

Вот почему Маркс был прав, говоря, что, вступая в жизнь, люди находят готовые, от их воли не зависящие отношения, которые создаются где-то кем-то «за их спиной». Когда крестьянин вывозит на рынок хлеб в капиталистическом обществе и вдруг узнает, что цены упали, он смотрит на это, как на стихийное бедствие, как на неурожай, например: он не знает, что причиной его несчастья является прогресс техники где-то в далекой Америке, который позволил вдруг выбросить на европейские рынки огромное количество дешевого хлеба. Он знает лишь, что благодаря этому загадочному для него явлению, которое называется «падением цен», его труды, его единичные усилия пропали даром.

Поэтому лишь в редких, исключительных случаях удается личности в истории угадать ее путь, подслушать биение ее пульса и согласовать свои действия с общим направлением исторического процесса. Это именно лишь дело случая или гениального, бессознательного чутья. Чаще же всего человека, даже сильного и талантливого, ждут на его пути тяжелые неудачи и разочарования. Так бывает со многими деятелями всякой революции, а также со всеми утопистами, со всеми историческими мечтателями и фантазерами. Грубый, стихийный исторический процесс опрокидывает все их рассчеты, разрушает все их мечты и планы.

Но это несоответствие личных стремлений и идеалов с реальной, действительной общественной жизнью и ее законами существует лишь до тех пор, пока эти законы нам неизвестны, пока история кажется нам случайным, хаотическим сцеплением отдельных событий и фактов или капризом отдельных «великих людей». Напротив, с того момента, как, благодаря учению Маркса и Энгельса, нам стали известны внутренние законы, законы экономические, управляющие стихийным историческим

процессом, с тех пор, как мы можем определить дальнейшее направление этого процесса, предсказывать хотя бы в общих чертах грядущий ход событий, роль личности в истории, роль идейного воздействия на массы становится огромной.

Впервые в жизни человечества человек постигает законы собственной истории, собственного развития. И как, познав законы природы, часть которой он составляет, человек из раба ее становится ее господином, научается подчинять ее своим целям, заставляет ее служить себе, так, познав законы, управляющие историческим процессом, человек начинает впервые направлять свои сознательные усилия к тому, чтобы этот процесс приспособить к своим целям.

Это может делать лишь тот класс, который в данный момент является носителем исторического прогресса, которому выпало на долю совершить величайшее преобразование, какое знал мир: на место борьбы и эксплуатации создать общество, построенное на братском труде. Этот класс—пролетариат. Потому именно его вожди и идейные руководители только и могли создать теорию исторического материализма, могучее духовное оружие в борьбе угнетенных классов за свое освобождение и освобождение всего человечества от всякого рабства, всякой эксплуатации.

И когда это освобождение станет совершившимся фактом, когда на место капиталистического общества, с его анархией производства, с его безумной растратой сил и средств, с его борьбой всех против всех,—станет общество социалистическое, основанное на планомерной и разумной организации обобществленного производства и потребления, тогда впервые человек станет настоящим творцом своей истории. «Пролог истории кончится», как говорит Энгельс, и начнется настоящая история человечества, как свободное и разумное творчество новых, лучших форм жизни.

VI.

Материализм, религия и нравственность.

Что такое религия с материалистической точки зрения? В чем ее сила? Какова ее роль в истории и каково ее будущее? Вот вопросы, которые, в виду их важности, полезно выделить из общей главы о материалистическом понимании истории и рассмотреть особо.

Мы видели еще в начале настоящей книжки, что религия возникает, как вера в самостоятельное существование душ умерших предков, и лишь впоследствии становится обожествлением природы и ее сил. Религия порождается страхом перед непонятными и загадочными явлениями, которые она пытается об'яснить с человеческой точки зрения. Она означает покорность человека, темного и слабого, перед могучими силами природы, пред непонятными ему законами человеческого общества. Он видит, что на земле одни господствуют, а другие вынуждены подчиняться. Он знает, что гнев богатых и сильных можно укротить только униженными просьбами, мольбами, а то и подарками. И эти порядки он переносит и на небо, в сферу религии. Если его

постигает несчастие, которое он не в силах отвратить, значит, на него рассердилась высшая сила, бог, которого остается лишь умилостивить молитвами и жертвами. Но, как известно «до бога высоко, до царя далеко». Как нелегко добраться с просьбой до могущественного и жестокого правителя и приходится обращаться к посредничеству его слуг и задабривать их подарками и взятками, так и к богу нельзя обратиться непосредственно: надо искать протекции, покровительства, заступничества его окружающих святых, или их слуг, жрецов, попов.

Религия, таким образом, есть отражение в уме невежественного и забитого человека его земной жизни, отражение, которое он украшает цветами своего, то убогого, то богатого, воображения, в зависимости от богатства или бедности окружающей природы, и которое он наделяет сверх'естественными силами и свойствами *).

Впоследствии религия, как вера в загробную жизнь и в божественное правосудие, которое когда-нибудь должно наступить, удовлетворяет той жажде справедливости, которой томятся угнетенные классы. В нашей здешней, земной жизни господствует несправедливость, произвол богатых и сильных, торжество бесчестных и наглых. Мир не может так существовать вечно. Справедливость должна когда-нибудь восторжествовать. Если нет надежды, что это произойдет на земле, остается верить в божескую справедливость «на том свете», в загробной жизни, где каждому воздастся по заслугам, где «последние станут первыми».

Вот в этом страхе человека перед непонятными и враждебными ему силами природы и общества, а также в неугасимой жажде справедливости, которая заставляет верить, что она когда-нибудь придет, и заключается с и л а религии, ее страшная власть над умами и чувствами огромного большинства человечества. Этой властью пользуются везде в своих интересах господствующие классы; они смотрят на религию, как на узду, которая помогает держать в страхе и повиновении народные массы. И если многие образованные представители этих классов сами перестали уже верить в бога, то «для народа» они считают эту веру необходимой: к страху земных наказаний за бунт против правящих классов, за нарушение священных законов собственности, религия присоединяет страх наказаний загробных, а зато покорным и усердным рабам она обещает отдых и награду после смерти.

Религия, следовательно, как и многие другие «идеологии», т.-е. идейные переживания человечества, становится орудием классовой борьбы, орудием угнетения. Но бывают в истории моменты, когда это орудие, как палка о двух концах, обращается против угнетателей, когда она становится в руках народных масс революционным тараном, молотом, разрушающим привилегии господствующих классов. Таковы все религиозные восстания в конце средних веков и в начале нового времени.

Они означали, что восстающие крестьянские массы, а также городская буржуазия, чтобы освятить свои классовые требования, придать им более убедительный вид, прибегали к единственно им тогда

*) См. прекрасное художественное изображение убогой религии полудикого человека в рассказе К о р о л е н к о „Сон Макара“.

доступным идеям, идеям религиозным. Если «князья церкви», духовенство с римским папой во главе, бесстыдно торговали отпущениями грехов, прошлых, настоящих и будущих, так, чтобы богатый и на том свете мог себе закупить местечко в раю, если они забирали себе лучшие земли и вдобавок грабили народ налогами, то молодая буржуазия била их их же собственным оружием—евангелием. А городская и сельская беднота находила в том же евангелии доказательства правильности своих нападок на всех богачей и требовала раздела земель и даже коммунизма, общего владения. Здесь религия—лишь форма, оболочка, в которой скрывалось определенное классовое содержание. Такой же оболочкой в 18-м веке, перед французской революцией явилась философия.

Но даже в том случае, когда религия прикрывает революционное движение, материализм не может мириться с ней, не может не считать ее «опиумом народа». Она все же окутывает туманом человеческие отношения, простые и ясные требования запутывает вмешательством бога, усыпляет человеческий дух. Вместе с тем современный материализм знает, в чем коренятся глубокие причины власти религии, и потому понимает, что одна проповедь атеизма бессильна, не в состоянии эту власть уничтожить.

Почему крестьяне в массе своей гораздо более религиозны, чем городские рабочие? Потому, что они больше зависят от природы, от дождя или ведра, от града и т. д. Крестьянин видит, что он не властен над своей судьбой, над скотом, урожаем и т. п., и поневоле начинает полагаться на бога. Напротив, городской рабочий сам чувствует себя творцом тех предметов, которые он изготовляет, он понимает связь и взаимную зависимость тех явлений, с которыми он имеет дело, и потому меньше приходится ему прибегать к «высшей» силе. Почему, далее, религия имеет гораздо больше влияния на женщин, чем на мужчин? Потому, что женщина и в личной жизни, и в отношениях к мужчине, и в своей исторической судьбе является существом более пассивным, более покорным.

Это же применимо и к общественной жизни вообще. Пока отношения между людьми кажутся неизменными, прочными, как законы природы, человек относится к ним с покорностью, говоря: так жили наши отцы и деды, всегда были и будут богатые и бедные, так самим богом устроено. Когда же начинается коренная ломка этих отношений, тогда у самых покорных появляется надежда еще здесь на земле стать кузнецами своей судьбы. Наоборот, разочарование после неудачной революции приносит с собой религиозную реакцию, новую покорность судьбе или богу.

«Да будет воля твоя»—вот формула религии, формула рабская. «Да будет воля моя», вот гордый лозунг материализма, лозунг учения, которое хочет понять и природу и человеческое общество и, поняв, заставить их служить человеку. До сих пор, как сказал Маркс в своих тезисах о Фейербахе, «философы лишь об'ясняли мир так или иначе; но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Вот лишь тогда, когда человек почувствует, что он может «изменить» мир, когда он из раба природы и общественных отношений

станет их господином, станет сам творцом и строителем жизни,—только тогда исчезнет всякая почва для религии, этой психологии невежества, рабства, покорности.

«И будете вы сами, как боги», сказал, по библейскому мифу, змей, соблазняя первых людей вкусить от дерева познания. Современный научный материализм и есть это дерево познания.

Противники материализма ставят ему в вину, наряду с уничтожением религии, также уничтожение нравственности, уничтожение всякой узды, всякой сдержки человеческим желаниям и похотям, человеческому эгоизму. С древнейших времен, со времен Эпикура материализм приравнивался к самому грубому животному эгоизму. В материалистах видели людей, которые признают одно лишь «материальное», материальное богатство, материальные удовольствия и т. д., у которых нет ни чувства красоты, ни чувства нравственного долга, ни стремления к высшим идеалам.

Мы уже видели в свое время, что в большинстве случаев эти обвинения были явным и грубым лицемерием, что именно те, которые гордились своим философским, религиозным или нравственным «идеализмом», на практике оказывались самыми хищными и чувственными «материалистами», именно в их смысле, в смысле погони за весьма материальными земными благами. Наоборот, философы-материалисты, гонимые и преследуемые за свои убеждения, нередко защищали их с величайшим внутренним мужеством и самопожертвованием, не отказывались от них даже перед угрозой смерти.

Итальянский философ Джордано Бруно, осужденный в 1600 г. на смерть папской инквизицией за проповедь материалистической ереси, будто мир не один, а миров множество, уже стоя на костре, перед самой смертью, упрямо и гордо повторял: «сжечь—не значит опровергнуть».

Великий русский социалист и материалист 60-х годов Чернышевский осужден был за проповедь своих убеждений на каторгу и по окончании ее заперт был в диком углу Якутской области. Про него писал поэт:

«В далекой Якутской тайге
Гибнет светоч науки опальной».

Так вот, когда русское самодержавное правительство, под давлением европейского общественного мнения, готово было дать ему возможность вернуться и через подосланного к нему чиновника предлагало лишь «пустую формальность», подписать «бумажку» о своем «раскаянии»,—материалист Чернышевский ответил в истинно материалистическом духе: «Мой мозг устроен так, а ваш иначе. В этом только мое «преступление». Как же могу я выражать «раскаяние» в определенном устройстве своего мозга?» И чиновник от‘ехал ни с чем.

Какова же действительная связь между материализмом и нравственностью? Существует ли, далее, противоречие между теоретическим материализмом и практическим идеализмом, т.-е. готовностью жертвовать материальными благами ради далекого идеала?

Материализм и к нравственности подходит, как ко всем другим явлениям жизни: он и ее об'ясняет материалистически. Прежде всего, неверно, будто нравственность, т.-е. обязательные правила поведения, которым люди добровольно подчиняются,—это то, что отличает человека от животных; неправильно представление о каком то «животном эгоизме». Первоначальные основы нравственности коренятся именно в животном происхождении человека. Как животное общественное, живущее обществами, человек унаследовал от своих далеких предков социальный инстинкт, свойственный всем общественным, т.-е. живущим стадами и стаями, животным. Этот социальный инстинкт доходящий до готовности жертвовать собой за все стадо, как это мы видим, напр., у вожаков диких оленей, выработан в борьбе за существование, как и многие другие инстинкты, как любовь самки к своим детенышам.

Далее, в привязанности собаки к человеку, в ее покорности, в ее умении сознавать свою вину имеются уже элементы не только страха, но и нравственности, т.-е. социального инстинкта, соединенного и с привычкой и с чувством благодарности.

Наоборот, в том «героизме», в том «патриотическом» самопожертвовании, в том презрении к смерти, которое проявляют многие первобытные племена в борьбе с врагами своего рода, своей общины сказывается именно первоначальный социальный инстинкт.

С развитием человеческой культуры нравственность все больше зависит от форм жизни и хозяйства, в конечном счете, от состояния производительных сил, а впоследствии прежде всего от классовой борьбы.

Нравственность первобытной коммунистической общины звероловов совсем не та, что в аристократическом государстве, основанном на рабстве, или в развитом буржуазном обществе. Воинственные племена, живущие грабежом, по иному решают вопросы, что хорошо и что дурно, чем мирные земледельцы, или чем купцы и промышленники.

«Жалость» к побежденному врагу появляется впервые тогда, когда труд настолько производителен, что этому врагу выгоднее оставить жизнь, обратив его в рабство, чем убить его. Убийство стариков и больных считается хорошим, нравственным делом (даже в глазах тех, кого убивают) у тех племен, которые хронически страдают от недостатка пищи, и где эти старики или больные ложатся бременем на все племя. Наоборот, с развитием производительных сил старики, как хранители опыта и преданий прошлого, как источники «мудрости», начинают пользоваться глубоким уважением.

Христианское смирение и покорность—это добродетель рабов, примирившихся с своей участью и ждущих награды «на том свете». Христианство прежде всего и стало распространяться в римской империи среди рабов и забитых бедняков.

Напротив того, «рыцарское» «чувство чести» возникло в феодальные времена среди заносчивых и драчливых помещиков-баронов.

Из этих примеров, которых можно было бы набрать целые десятки*), видно, что нравственность, с материалистической точки зре-

*) См. интересную книжку К. Каутского „Этика и материалистическое понимание истории“.

ния, определяется экономическими условиями данного племени, данной эпохи или класса. Но даже в одно и то же время у двух борющихся классов понятия о нравственности могут быть прямо противоположны. Капиталисту кажется безнравственным, преступным, если бастующие рабочие мешают штрейкбрехерам работать. Он видит в этом насилие над человеческой личностью, посягательство на «свободу труда». С другой стороны, рабочие считают нравственным, хорошим делом, об'являя забастовку, обрекать на голод и нищету своих жен и детей ради общего дела, ради торжества своих товарищей.

Чем более прогрессивным является какой-либо класс, чем выше те экономические формы, которые он несет с собой, тем выше, чище, благороднее его нравственные понятия. В противоположность нравственности разлагающегося капиталистического мира, с его эгоизмом, основанным на конкуренции, с его погоней за наживой, пролетариат выставляет новую, товарищескую мораль. Эта мораль вытекает из самых условий существования и борьбы современного рабочего класса, об'единяемого и дисциплинируемого процессом производства. Идеалы рабочего класса, ради которых он приносит величайшие жертвы, это идеалы классовые и в то же время общечеловеческие; ибо, добиваясь освобождения своего собственного класса, пролетариат вместе с тем стремится к уничтожению классов вообще, к уничтожению национальных перегородок, к братству и вечному миру всех народов, образующих одну всемирную трудовую артель.

И этот прекрасный, возвышенный идеал, равного которому не знает история человечества и ради которого стоит приносить величайшие жертвы, в свою очередь, не просто продукт нашего воображения, не только цель наших суб'ективных, т.-е. личных, произвольных желаний, но и результат того глубокого экономического исследования, которому марксизм подверг законы капиталистического общества.

Следовательно, материализм Маркса и Энгельса не только об'ясняет нам происхождение и развитие нравственности в прошлом и настоящем, но указывает глубокие причины нашей собственной морали, этих зачатков нравственности будущего человечества. Низводя все «идеалы» на землю, подводя под них материалистический фундамент и об'ясняя с этой же точки зрения наш собственный социалистический идеал, марксовский материализм отнюдь не обесценивает самого значения нравственности и нравственных идеалов.

Как раз напротив. Чем прочнее и «материальнее» та почва, на которой выростает новая пролетарская нравственность и пролетарские идеалы, тем больше у пролетариата уверенности в победе, тем с большей готовностью и решимостью идет он на борьбу за эти идеалы.

VII.

Материалистическая философия и борьба классов.

На судьбах самого материализма, как и философии вообще, лучше всего можно проверить правильность материалистического понимания истории, а именно зависимость даже самых высших и отвлеченных идеологий в конечном счете от развития производительных сил и эко-

номического положения общества, а прежде всего от характера классовой борьбы в данный момент. Как религия становилась оружием в борьбе классов, формой выражения для определенных социальных требований или, наоборот, идейной формой угнетения, при чем одна и та же религия, напр., христианство в разном его понимании, была духовным оружием то угнетателей, то угнетаемых, так и философия вообще и материализм в частности принимали в истории ярко классовый характер—и во всяком случае отражали определенные экономические отношения.

Это наблюдается уже в древнейшие времена, при самом зарождении философии в древней Греции. Первые гипотезы о материалистическом происхождении мира, без вмешательства богов, возникли в греческих колониях, на берегах и островах Средиземного моря, где торговля, мореплавание и связанные с ними путешествия необычайно расширили умственный кругозор этого талантливого народа; там именно выросла древнейшая буржуазия, ведшая обширную торговлю с окружающими странами и своими рассказами о виденных землях и народах опровергавшая религиозные сказки жрецов. Из среды этого богатого и развитого класса людей, еще до Демокрита, и вышли первые философы, с неопределенными материалистическими стремлениями (так называемая ионийская школа). Из этой же среды вышел и сам Демокрит, с его смелыми и бодрыми взглядами, прозванный в древности «смеющимся философом». И материализм несомненно развился в результате борьбы и насмешек образованных по тогдашнему людей (а такие люди могли быть только среди купцов-путешественников), над жрецами, обманывавшими народ.

Другое великое философское учение древности, учение Гераклита, этого предшественника Гегеля, жившего в 6-м веке до Р. Х.,—о том, что «все течет» и что «борьба есть отец всего, мать всего», возникло в результате ряда бурных революций, которые в это время потрясали родной город философа и соседние города. Создалось представление, что нет ничего устойчивого на земле, и что все находится в вечной, непрерывной борьбе, раз так легко рушился старый родовой, аристократический строй, сложившийся веками, и заменен был подвижной и изменчивой демократией, с ее постоянными волнениями и борьбой партий. Сам Гераклит был, повидимому, представителем отживавшего класса, оплакивал всеобщее разрушение старого быта и был прозван «плачущим философом».

Точно также новейшая идея всеобщего развития и в частности, борьбы классов, идея Гегеля и первых крупных французских историков, была продуктом великой французской революции, того громадного сдвига, того страшного потрясения, которое она произвела во всех областях жизни, во всех установившихся понятиях. И точно также революционное по своим выводам учение Гегеля было первоначально протестом, реакцией против революции и ее «материализма».

Реакцией против господства демократии, т.-е. народного правления в древних Афинах была и первая система идеализма, философия Платона*). Уже учитель его Сократ был осужден судом присяжных на

*) См. II главу настоящей книжки. Впрочем, сама демократия афинская существовала лишь для полноправных граждан; за пределами ее была еще масса крепостных и рабов.

смерть якобы за «разрушение веры в богов», а на самом деле за свои насмешки над демократией, над тем, что необразованная толпа вмешивается в дела управления, а также за то, что он подозревался в участии в аристократическом заговоре бывших крупных землевладельцев против республики.

Платон же сам по происхождению принадлежал к старинной аристократии. И вот от ненавистной ему демократии, от «господства толпы», с ее «низменными» материальными интересами, с ее изменчивостью и непостоянством он и пожелал уйти в «светлое царство» «вечных идей», т.-е. от живой жизни в царство теней, созданных его воображением. Он и весь мир об'явил лишь плохой и непрочной копией своих «идей». Недаром он и в политике стоял за господство «идей» над материальным миром, т.-е. «философов» над всей трудящейся массой. Ему же принадлежит первая коммунистическая утопия, план создать государство, где правители, чтобы не отвлекаться материальными делами и интересами, не гоняться за бренными земными благами, как богатство, семейное благополучие и т. п., должны были жить в коммунистической общине, с общей собственностью, общими женами и детьми. Это был своеобразный аристократический коммунизм.

Так оба важнейшие направления в философии, материализм и идеализм, с самого начала явились идейным отражением весьма материальных условий и общественных отношений древней Греции, отражением и одновременно орудием происходившей в ней — борьбы классов.

С возрождением материализма в новое время он явился, как мы уже знаем, вместе с научным исследованием природы, прямым следствием развития буржуазии и капитализма. Это буржуазия итальянских городов, это генуэзские купцы, в поисках рынков и колоний, толкнули Колумба искать нового пути в Индию, так как старый был захвачен турками. Как известно, это содействовало открытию Америки и доказательству шарообразности земли. И позднее все важнейшие открытия в области естествознания, а, следовательно, и развитие материалистического понимания мира вызывались прямыми потребностями торговли, мореплавания и промышленной техники, т.-е. потребностями все той же буржуазии.

«За время своего классового господства, длящегося едва сто лет», писал Маркс в 1847 г. в «Коммунистическом манифесте», буржуазия создала более многочисленные и более могущественные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения вместе. Подчинение сил природы, машины, применение химии к промышленности и земледелию, пароходство, железные дороги, электрические телеграфы, превращение в пашни целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые населения, как бы вызванные из-под земли,—какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют на лоне общественного труда».

Это огромное накопление производительных сил, которое, конечно, было достигнуто не сразу, наполняло буржуазию, в пору ее юности, и ее идейных вождей и теоретиков, философов и ученых,—смелостью и гордостью. Они считали, что все доступно разуму и развенчивали

все, что «святая старина», окружала благоговением, но что мешало развитию буржуазии: и религию, и старую нравственность, и патриархальные отношения, и дворянскую «честь», и даже обаяние королевской власти.

На почве этой революционной критики у части буржуазной интеллигенции, наиболее смелой и последовательной, и развился философский материализм. Но и тут конкретные особенности и различия политической и классовой борьбы в Англии и Франции, т.-е. наиболее передовых странах, связали материализм с различными и даже противоположными политическими взглядами.

В Англии первая буржуазная революция произошла в середине 17-го века, в эпоху религиозных войн, когда буржуазия еще вся была во власти идей реформации, т.-е. религиозного протеста против развращенной и жадной католической церкви. Английская революция и прошла под флагом религиозной борьбы с высшим духовенством, дворянством и королем, которые, ища помощи у Франции, готовы были итти на уступки ненавистной англичанам католической церкви.

Революция и связанная с нею гражданская война вызвали разочарование у части крупной буржуазии, разочарование и в революции и в свободе, толкнувшее ее в сторону политической реакции. Выразителем этой части буржуазии и явился знаменитый английский писатель и философ Гоббз, который считал, что управлять народом можно только при помощи железной самодержавной диктатуры. Вместе с тем ненависть к религиозной революционной мелкой буржуазии соединила в его глазах революцию с религией и, из чувства противоречия, он стал материалистом и атеистом, оставаясь сторонником самодержавия.

Напротив, материализм французских философов 18-го века возник до революции и вызванных ею разочарований и реакции, в эпоху, когда буржуазия была настроена революционно и всю свою ненависть направляла против сил старой Франции, мешавших ее развитию, державших ее в рабстве политическом, экономическом и духовном: против самодержавного короля, паразитического дворянства и особенно против деспотического и реакционного духовенства. И то, что церковь была в лагере реакции, сделало французских философов, по крайней мере, наиболее смелых из них, одновременно и материалистами и революционерами. Они вводили господство закона в область внешней природы, упраздняя в ней бога с его произволом и капризами, и требовали такой же законности и уничтожения произвола и в государстве.

Мы уже видели, как, испуганная великой революцией, буржуазия в начале 19-го века и во Франции и в Германии бросилась в об'ятия реакции политической и духовной, в об'ятия идеализма. Еще один раз лишь вспыхнул философский материализм в среде буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции Европы. Это было снова накануне буржуазной революции, революции 48-го года, на этот раз в Германии, где самым выдающимся представителем этого материализма был Людвиг Фейербах*). После того европейская буржуазная интеллигенция оконча-

*) Последним отзвуком этого материализма был так называемый „материализм естествоиспытателей“ в 60-х годах в Германии и среди части революционной буржуазной молодежи Наполеоновской Франции.

тельно покидает почву материалистической философии. Начинается возрождение кантовской философии и всех видов идеализма.

Это означает, что буржуазная интеллигенция, под влиянием начавшейся борьбы пролетариата, испугалась того движения, которое она сама вызвала, и, возмущенная «грубым материализмом» требований пролетариата, пыталась противопоставить им старые идеалистические песенки о бренности и изменчивости внешнего материального мира, о недостоверности наших познаний и о великой ценности оторванных от жизни идей и идеалов.

На эти попытки—религией и философией отгородиться от все растущей революционной волны нового класса—пролетариат, со свойственной ему «грубостью», прямотой и «материализмом», отвечал словами германского поэта Гейне:

«Брось свои иносказанья
И гипотезы святые!
На проклятые вопросы
Дай ответы нам прямые!
Отчего под ношей крестной,
Весь в крови, влачится правый?
Отчего везде бесчестный
Встречен почестью и славой?
Кто виной? Иль силе правды
На земле не все доступно?
Иль она играет нами?
Это подло и преступно!»

Пролетариат не хотел довольствоваться ни обещаниями загробной жизни, ни утешениями идеалистической философии. Он требовал немедленно материальных благ здесь на земле, тех самых материальных благ, которыми пользовались уговаривавшие его «идеалисты». Мало того. Уже первые идеологи пролетариата, первые социалисты, как Роберт Оуэн, еще в начале 19-го века стали делать определенные социалистические выводы из буржуазного философского материализма.

Вот что писал об этом Маркс: «Не надо большого ума, чтоб понять необходимую связь, существующую между учениями французского материализма о природной склонности к добру и о равенстве умственных способностей всех людей, о всемогуществе опыта, привычки, воспитания, о влиянии на человека внешних обстоятельств, о высоком значении промышленности, о нравственной правомерности наслаждения и т. д.—и коммунизмом и социализмом. Если человек черпает все свои ощущения, знания и т. д. из внешнего мира, то надо, стало быть, так устроить окружающий его мир, чтобы человек получал из этого мира достойные его впечатления, чтобы он привыкал к истинно человеческим отношениям, чтобы он чувствовал себя человеком. Если правильно понятый личный интерес есть основа всякой нравственности, то надо, стало быть, позаботиться о том, чтобы интересы отдельного человека совпадали с интересами человечества. Если человек не свободен в материалистическом смысле слова, т.-е. если его сво-

бода заключается не в отрицательной способности избегать тех или других поступков, а в положительной возможности проявления своих личных свойств, то надо, стало быть, не карать отдельных лиц за их преступления, а уничтожить противообщественные источники преступлений и отвести в обществе свободное место для деятельности каждого отдельного человека. Если человеческий характер создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать эти обстоятельства достойными человека».

Другими словами, для того, чтобы человек приблизился к своему идеалу, нужны не моральные проповеди господ идеалистов, а коренное изменение материальных условий жизни огромного большинства человечества, уничтожение бедности, экономической зависимости, эксплуатации.

Само собой разумеется, что такие рассуждения, которые били буржуазию ее же недавним оружием, еще более ужаснули буржазную интеллигенцию, еще больше оттолкнули ее от материализма. Буржуазные философы окончательно и навсегда отреклись от этого заблуждения своей молодости, об'явили материализм ненаучным, недостойным быть за общим философским столом, проявляли по отношению к нему глубочайшее пренебрежение.

Но за этим показным пренебрежением буржуазия не могла скрыть своего страха.

Ибо выпавшее из ее рук оружие, которым она еще недавно наносила сокрушительные удары старому феодально-клерикальному обществу, т.-е. господству дворянства и духовенства, и от которого она теперь «отрекалась»,—это духовное оружие было подхвачено пролетариатом и исправлено и усовершенствовано им в своих целях. Эту работу исправления и усовершенствования, которая сделала материализм еще более могучим, верным и неуязвимым орудием идейной борьбы и познания, совершил марксизм, философия пролетариата.

Теперь материализм оказался в надежных руках, из которых он уже больше не выпадет. Рабочий класс не боится истины, как бы она подчас ни была тяжела и неприятна. Творец и строитель всех богатств, всех материальных ценностей, он естественно заинтересован в том, чтобы материалистическое понимание мира и законов природы все больше расширялось и углублялось, чтобы человек все основательнее овладевал всеми тайнами природы, чтобы подчинить ее себе. Рабочий не боится критики, не боится развенчания тех порядков, от которых он до сих пор лишь страдал. Как говорит Маркс в «Коммунистическом манифесте», «законы, мораль, религия представляются ему рядом буржуазных предрассудков, за которыми скрывается такой же ряд буржуазных интересов».

Лицемерному буржуазному «идеализму», прикрывающему самую грубую, самую материальную погоню за наживой, пролетариат противопоставляет откровенный, смелый и последовательный материализм, который у него тесно связан с подлинным высоким идеализмом, с готовностью жертвовать даже жизнью за свою конечную цель, за братство и счастье всего человечества.

А материализм в применении к общественной жизни, материалистическое понимание истории, выкованное непосредственно Марксом и Энгельсом, дает пролетариату и уверенность в победе его идеалов. Он показывает, что материальные законы истории, законы развития капиталистического общества неизбежно ведут к крушению этого общества и к замене его социалистическим. Маркс писал еще в начале своей деятельности, что истинность всякого учения познается на опыте, на практике. Мы видели, что оправдание научных предсказаний было всегда величайшим торжеством науки и человеческого мышления вообще.

Мы присутствуем теперь при исполнении того предсказания Маркса, которое помог ему сделать его исторический материализм— при начале мировой пролетарской социалистической революции.

При помощи этого же материализма пролетариат

Сломит могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузит над землею
Братское знамя труда....

Важнейшая литература по вопросу о материализме.

Философский материализм вообще изложен в сочинениях Плеханова (Бельтова):

«К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

«Основные вопросы марксизма». Предисловие к книжке Энгельса «Людвиг Фейербах» (см. также Энгельса «Антидюринг»).

«История материализма подробно излагается в известной книге Ф. А. Ланге. «История материализма и критика его значения в настоящее время». Ланге—буржуазный критик материализма, у него много неверного, тем не менее его книга является до сих пор единственной сколько-нибудь полной историей материализма до Маркса.

Для интересующихся французским материализмом 18-го века можно рекомендовать Ламметри «Человек-машина», избранные сочинения Дидро и других материалистов, имеющихся в русском переводе.

Довольно полное изложение философского материализма дает книга Деборина «Введение в философию диалектического материализма». Очень интересна, хотя и критически относится к материализму, книга А. Богданова «Философия живого опыта».

Гораздо богаче литература по историческому материализму. Кроме указанных сочинений Плеханова, можно отметить его же статьи об искусстве, религии, философии и литературе в сборниках: «За двадцать лет», «От обороны к нападению», «Критика наших критиков». Затем Богданов «Краткий курс экономической науки», М. Н. Покровский «Экономический материализм» (небольшая, очень интересная брошюра).

Далее Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и

Каутский «Этика и материалистическое понимание истории».

Наконец, связано и цельно излагает материалистическое понимание истории недавно вышедшая книжка: Гортер «Исторический материализм». Очень полезен также сборник «Исторический материализм», изд. М. С. Р. и К. Д., где собраны статьи виднейших европейских марксистов.

Подробную критику всех видов идеализма дает книга Н. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», а отчасти Л. Аксельрод (Ортодокс) в сборнике «Философские очерки».

Для связи естествознания с материализмом можно рекомендовать уже указанные в примечаниях к книжке:

Джефри Мартин «Чудеса и завоевания современной химии».

Эрнст Геккель «Мировые загадки».

К. Тимирязев «Жизнь растения».

Его-же «Дарвинизм».

Писарев «Прогресс в мире растений и животных», а также превосходную и популярную книжку знаменитого ученого Гельмгольца «О сохранении энергии».

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Новые издания Центросоюза.

Львов-Рогачевский, В. Очерки по истории новейшей русской литературы (от 1881 до 1919 г.)

Мещеряков, Н. Кооперация и социализм.

Степанов, И. Потребительные общества и рабочий класс.

Его же. Кооперация в земледелии и промышленности.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

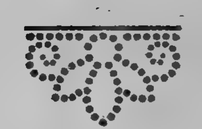
Атлантикус. Государство будущего.

Сборник. Борьба течений в новой кооперации.

Цена 40 руб.

Для кооперативных организаций склад издания:
Москва, Центросоюз, Ильинка, Старая площадь, д. 4, кв. 23.

